

Хантер С. Томпсон

СТРАЖА ШАРСТВО

«Хантер С. Томпсон — самый безумный по своей креативности среди всего поколения Новых журналистов. Его идеи потрясают своим достоинством и ценностью... Это литературный эквивалент кубизма — нарушение всех правил».

Курт Воннегут

АЛЬТЕРНАТИВА

Альтернатива

Хантер Томпсон

Царство страха

«АСТ»

2003

УДК 821.111(73)311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)44

Томпсон Х. С.

Царство страха / Х. С. Томпсон — «АСТ»,
2003 — (Альтернатива)

ISBN 978-5-271-39719-6

Страшитесь! Хантер С. Томпсон, крестный отец Гонзо, верховный жрец экстремальности и главный летописец Американского кошмара, берется разобраться в теме, взяться за которую побоялся бы любой, – в теме самого себя. В «Царстве Страх», его долгожданных мемуарах, Добряк Доктор окидывает взглядом прошедшие несколько десятилетий существования «на полную катушку», чрезмерных злоупотреблений и зубодробительных писаний. Это история безумных путешествий, воспламеняемых бурбоном и кислотой, сага о гигантских дикобразах, девушках, оружии, взрывчатке и, разумеется, мотоциклах. Воспоминания о беспутном детстве в Луисвилле, о приключениях в мире порнографии, о битве за пост шерифа в Эспене и о случайной попытке убить Джека Николсона. Наряду с этим «порочным и пугающим отчетом о проделанной работе», Хантер С. Томпсон разоблачает самую тьму в сердце сегодняшней Америки в то самое время, когда «Придурочный Президент» и Новые Тупые взяли ее под свой контроль, и нацию сотрясают войны против террора, зла, Ирака, нездорового образа жизни... и когда понятие «страха и отвращения» становится еще более значимым, чем когда-либо. Злобная, яростная, грязная, безумная и захватывающая – впервые полная история этого «дитя Американского века», рассказанная своими словами.

УДК 821.111(73)311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)44

ISBN 978-5-271-39719-6

© Томпсон Х. С., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Предисловие Тимоти Ферриса	7
Примечание от спортивного отдела	10
Часть первая	13
Когда бытие становится странным, странность становится системой	13
Почтовый ящик: Луисвилль, лето 1946 года	13
Вы сделаете это снова?	15
Свидетельница I	22
Паранойи не существует	29
Странные желания и пугающие воспоминания	29
Изнасилование в парке Чероки	31
Бог, может, простит тебя, но я – никогда	31
Новые Тупые	35
Во чреве зверя	37
Салли любила футболистов	37
Paris Review № 156	39
Какая такая марихуана?	42
Суд Линча в Денвере	44
Закон о соучастии в особо тяжких преступлениях – это не должно случиться с вами	47
Иисус ненавидит убогих мудаков	50
Часть вторая	53
Политика – это искусство контролировать свое окружение	53
Предвыборная гонка за пост шерифа: Эспен, 1970	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Хантер С. Томпсон

Царство Страха

Посвящается Аните

Hunter S. Thompson
KINGDOM OF FEAR

Печатается с разрешения The Estate of Hunter S. Thompson и
литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© The Estate of Hunter S. Thompson, 2003

© Перевод. Д.В. Вебер, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Предисловие Тимоти Ферриса

Поль Валери однажды сказал, что «настоящий поэт – это тот, кто вдохновляет». В таком случае Хантер Томпсон – настоящий поэт. Его сочинения пробудили к жизни целую толпу подражателей (все как один провалились – никто не пишет так, как Хантер), они проложили дорогу в журналистику сияющим потоком дикарской мудрости и беспардонного напора, которыми теперь может воспользоваться любой журналист, у которого хватит ума учиться на опыте Томпсона, а не пытаться в точности воспроизвести его стиль. Насыщенный, скажем так, образ жизни Томпсона, описанный как в его собственных произведениях, так и в свидетельствах очевидцев, также породил своего рода имитаторов, и опять-таки очень немногие осмеливались залетать так глубоко и высоко, как он. Все, кто хотя бы немного знаком с Хантером, полностью очарованы им, и сложно сказать, что же больше способствовало его славе – его работы или его невероятная личность. К настоящему моменту продается уже пять его биографий, в Голливуде про Томпсона сняли два фильма, его имя упоминается на миллионах интернет-сайтов чаще, чем имена Уильяма Берроуза, Аллена Гинзберга, Джека Керуака, Нормана Мейлера и Томаса Вулфа, вместе взятых.

У внимательного читателя неизбежно возникнет вопрос: кто же в результате прославился – Хантер-писатель или Хантер – книжный герой? Этот вопрос и призвана разрешить эта книга. «Царство Страх» – это не просто мемуары, книга иллюстрирует противоборство и взаимодействие двух вышеуказанных Хантеров. Конечно, ответ не больно-то ясен: подобно «Автобиографическим Заметкам» Эйнштейна, «Царство Страх» легко перескакивает с исповедальных слов автора на забористые «истории из жизни». Что ж, только так и можно создать близкую к реальности картинку. Каждый человек – это целая толпа, как утверждал Уитмен, говоря о множественности своей личности, и тем более трудно выразить плоской схемой личность писателя и творца, учитывая, что этот самый писатель в качестве предмета исследования может предложить гораздо больше, чем мгновенный фотоснимок реальности. И все же противоборство Хантера-писателя и Хантера – лирического героя отчасти проливает дрожащий свет факела на тьму в пещере, откуда хлещут прекрасные потоки его сочинений.

Заметки Хантера прежде всего безумно смешны; он способен потягаться с любым современным американским сатириком. Подобно любому настоящему юмористу, он совершенно серьезен. Любой невероятный кураж, описанный в его работах, вполне достоверен. Хантер – репортер, щепетильный до мелочности, настоящий профессионал; и он вовсе не шутил, когда во время лекции в Стрэнде на Редондо Бич сказал аудитории: «Я – самый точный журналист, о котором вы когда-либо слышали». За те тридцать лет, что мы дружим, он гораздо чаще исправлял мой стиль и грамматические ошибки, чем я – его, причем вовсе не потому, что он повсюду носит свой, скажем, «магнум-454», тот самый, из которого он как-то расстрелял одну из своих многочисленных и многострадальных пишущих машинок «IBM Selectric». «Такой пистолет – это, конечно, слишком, если ты не собираешься разнести «бьюик» с расстояния в двести метров», – сказал он мне потом, комментируя инцидент с пишущей машинкой. «Пуля пронзила машинку насквозь, прошла через нее, как луч сквозь стекло. Место, где вошла пуля, оказалось нелегко отыскать. Пришлось сходить за ружьем калибром поменьше, вот тогда дело пошло». Кто, кроме него, мог в ходе безостановочных круглосуточных пьянок, когда с ног валились и не такие зубры, глубоко и аналитически освещать Съезд Демократической Партии в 1972 году, разоблачив между делом главный слухсенсацию – дескать, Джордж Макговерн уступит свое место Президенту Профсоюза Транспортных Рабочих Леонарду Вудкоку (Хантер тогда не поверил в это и, как обычно, оказался прав); параллельно он исследовал словарные коннотации слова «сила» – насилие, могуще-

ство, страсть, оцепенение, лютость, горячность, потрясение, суровость, дикость, извержение... «Просто страшно, – сказал Хантер, – это почти что мой портрет».

Его работы отличает одно удивительное качество: они как будто написаны в другом пространстве, откуда истинная подоплека любого события выглядит столь же ясно, как движение циклона для космонавтов на орбите. Хантер смотрит в корень и не обманывается. В таком случае у читателей возникает логичный вопрос: насколько преувеличены описания бесчисленных эскапад Хантера: быстрые машины, бешеные мотоциклы, стрельба и взрывчатка, красоти и сносящие крышу наркотики, его беспечные заигрывания с ужасающими катастрофами, благодаря которым выражение «страх и отвращение» стало идиомой, да не в одном языке?

Не настолько уж и преувеличены, чтобы мы могли и дальше чувствовать себя спокойно.

Хантер всю жизнь числится студентом школы Страха; преподавателем, впрочем, тоже. Недавно вместе с Уорреном Зевонем он написал песню «Ты – *совсем другой человек*, когда испытываешь страх», и он не считает, что достаточно знает вас, пока не познакомится с *тем самым человеком*, а не с обычной благопристойной маской. Всякое бывало: он наставлял на меня лошадиные шприцы с чем-то страшным внутри, целился из заряженного ружья, оглушал выстрелами, не говоря уже о газовых баллончиках «Мейс», брал с собой на дико скоростные ночные рейды по местам серийных убийств – правда, сомневаюсь, что его сильно развлекли мои реакции на все эти страсти, поскольку я безоговорочно доверяю этому парню всю свою жизнь. Хотя массе других людей Хантер не раз устраивал вечера из тех, что запоминаются навсегда.

Таков он и есть: воющий агрессивный фрик, нередко накачанный чем-то психоактивным, эгоманьяк уровня Бетховена, трудолюбивый и задумчивый, сутяжный и аккуратный, уважительный при любых обстоятельствах, любящий спокойствие в своем собственном понимании и великодушный. Во времена молодости и бедности, когда меня вышвырнули с последней работы, узнав об этом, Хантер первым делом предложил мне четыре сотни долларов – все деньги, которые у него на тот момент оставались на счету в банке (я узнал об этом обстоятельстве намного позже). Его вежливость и предупредительность отчасти объясняют, почему он вышел живым и невредимым из стольких переделок. Как-то раз я видел, как он, потянувшись за зазвонившим телефоном, случайно сшиб рукой чужой коктейль, стоявший на столе, и затем поймал его той же рукой, не пролив при этом ни капли. Когда мы, пораженные, стали аплодировать такой его прыти, он сказал: «Ну да, вы восхищаетесь моей способностью спасти ситуацию в самый последний момент, но не забывайте при этом, кто тут у нас – причина всех заварушек». На самом деле я не видел никого из тех, кто близко знал бы Хантера и не любил бы его при этом.

Что же – перед нами человек действия, роскошный, яростный и непредсказуемый, как удар молнии, который описывает автор, скромный и незаметный, подобный сове, подчас сам до глубины души пораженный выходками своего героя; сразу и не подумаешь, что у автора и героя – одна шкура на двоих. В «Царстве Страха» полно приключений этой странной парочки – чего стоит хотя бы тот случай, когда Хантер в два часа ночи приехал к дому своего старого друга Джека Николсона на джипе, доверху набитом фейерверками, шутихами и прочей атрибутикой розыгрыша, намереваясь очаровать сердца его детей: «помимо крошечного лосиного сердца, в машине лежал огромный динамик, магнитофонная пленка с записью визга поросенка, заживо поедаемого медведями, фонарь мощностью 1000000 ватт, полуавтоматический девятимиллиметровый пистолет «смит-и-вессон» с рукояткой из тикового дерева. Кроме того, в машине лежала парашютная сигнальная ракета мощностью 40 миллионов свечей, способная на 40 секунд осветить всю долину, да так, что зарево видели бы и за 40 километров». Когда оказалось, что дети Николсона вовсе не рады припасенным

для них гостинцам, да еще в два часа ночи, Хантер, по собственному признанию, «почувствовал, что им пренебрегают». Но все-таки прислонил огромное кровоточащее лосиное сердце к двери, хотя ему и не открывали на звонки. «К чему впадать в негатив?» – говорит он обычно в таких ситуациях.

А ведь если убавить цвет и приглушить звук, именно негатив – наше обычное состояние. Мы что-то делаем, сами толком не зная почему, и подчас только и можем, что удивляться последствиям: мы идем из ниоткуда в никуда. Роберт Фрост как-то написал, что мы танцуем по замкнутому кругу, предполагая себе что-то там, в то время как разгадка ждет нас в самом центре. Хантер танцует с нами, но вместо того, чтобы что-то там предполагать, он просто не делает вида, что знает отгадку, ту самую, что в центре. Джозеф Конрад написал в предисловии к «Черному Нарциссу», книге, сильно повлиявшей на молодого Хантера («Книга что надо, – говорил он. – На ее героя мне долгое время хотелось быть похожим, он высоко поднял планку»), буквально следующее: «Моя цель – при помощи печатного слова заставить вас слышать, заставить вас чувствовать... заставить вас видеть», подарить «отвагу, утешение, страх, шарм – все, что потребуете, и, возможно, даже показать отблеск истины, о которой вы совсем забыли спросить». Думаю, Хантер вполне мог бы подписаться под этими словами.

За это мы его и любим.

Примечание от спортивного отдела

Прошлой ночью я смотрел футбольный матч между Денвером и Оклендом, как вдруг трансляция прервалась спецвыпуском новостей, в котором говорилось, что, по информации ФБР, группа террористов собирается поразить ряд важнейших целей на территории США, возможно, в ближайшие же 24 часа. ФБР стало известно об этом из самых достоверных источников, как сообщал голос, звучавший за кадром. Американцам предлагалось сохранять предельную бдительность и готовиться к эвакуации в любой момент... Информацию о любых подозрительно выглядящих или странно ведущих себя людях необходимо немедленно сообщить ближайшим представителям сил правопорядка. В стране объявлялась «Красная Готовность».

– Вот черт! Ну только не все это по новой! – стенала мой адвокат. – Мне завтра в Бостон лететь. Что за хуйня происходит в этой стране?

– Никогда не задавай подобный вопрос, – предупредил я ее, – пока тебе уже не известен точный ответ.

– Так известен, как же! – вскричала она. – Мы в жопе! В полной жопе!

* * *

Предисловие Автора – если уж оно и прилагается к роману – это, без всяких вариантов, самая жалкая и неинтересная часть любой книги, включая, конечно, и мою собственную. Так получается потому, что издатели, остававшиеся до самого ответственного момента слепыми и глухими, отчаянно считают необходимым, чтобы в последнюю минуту, когда книга уже уходит в печать, автор написал какую-то хренотень, иначе все произведение, все два года работы до изнеможения, отправятся к чертям, будут обязательно обречены на провал, если только автор не сочинит несчастную приписку/отмазку.

Так вот, обратите внимание. Четыре нацарапанные на колене бессодержательные страницы, что идут дальше, – напротив, важнейшая часть книги, они о самом важном, о том, Почему не важно все остальное.

Мне вот совершенно не интересно вымучивать эти строки, это Предисловие Автора. С таким же успехом я мог бы поступить на курсы, где учат правильно писать коммерческие рекламные тексты.

Я отказался от этой мастурбации еще лет 40 назад, потому что она меня бесила, и точно так же бесят все те типы, что настаивают на ней. И что же? Мы вернулись в исходную точку... Это великая страна, или как?

* * *

Благонадежным ответом будет: «Да, и спасибо Вам за то, что спросили». В случае любого другого ответа вы попадаете на лист ожидания в отель с видом на залив Гаунтанамо.

Неплохо для великой страны, а, чуваки? Теперь все ваше, и удачи вам теперь в тюрьме. Куба – прекрасный остров, возможно, прекраснейший из всех, что я видел. Не зря же его называют жемчужиной Антильских островов. Пляжи из белого песка там повсюду, и каждое дуновение мягкого карибского бриза расскажет тебе что-нибудь о любви, радости и атавистичной романтике.

В самом деле, перспективы Кубы выглядят блестящими, особенно если дело дойдет до долларовой экономики, которая настанет, когда США наконец превратят всю страну в свой

концентрационный лагерь. В самом деле, думал ли Президент Теодор Рузвельт, оккупировавший Кубу в 1906 году, что захваченные им земли превратятся в самую большую исправительную колонию во всем мире.

Старый добрый Тедди. Все, чего он касался, обречено стать прекрасным. Старик не мог ошибаться.

* * *

Вернемся тем временем к голубым экранам: «Райдерс» отодрали «Бронкос», на которых все ставили и которым теперь самим пора объявлять «Красную Готовность». Их хваленая защита трещала по швам, их просто драли во все щели.

– Джордж Буш намного круче Рузвельта, – говорит мой адвокат. – Если бы только мы могли быть с ним сейчас.

– Да ну ты гонишь, дура, – фыркнул я. – Если бы Тедди Рузвельт дожил бы до наших дней, он со стыда бы от этой страны удавился своими руками.

– Ну и что? В Бостон мне завтра надо по любому, – пробормотала она. – Будут завтра самолеты-то летать?

Как раз в этот момент футбол снова прервали – на этот раз для коммерческой соцрекламы по поводу ужасов, связанных с потреблением марихуаны.

– Боже ж ты мой, – сказала она, – теперь они скажут, что, скурив этот косяк, я совершаю особо тяжкое преступление, убийство федерального судьи, черт его возьми, и оно карается высшей мерой наказания – электрическим стулом!

– Ты права, – отозвался я. – А если ты попробуешь предложить эту маленькую гадость мне, то меня обвинят в заговоре на покушение на федерального судью.

– Ну что же, видать, придется нам бросать курить эту дрянь, – сказала она, протягивая мне косяк. – Ну а как еще я могу расслабиться после этого жуткого дня в суде?

– Никак, – сказал я. – Уж во всяком случае, не при помощи ксанакса¹.

Губернатор Флориды только-только приговорил свою дочь к тюремному заключению за то, что она попыталась купить ксанакс.

Хватит уже о наркотиках, а? Теперь-то ведь и за разговорчики такие посадить могут. Времена меняются, и еще как, да все не к лучшему.

* * *

Мне нравится эта книга, особенно нравится название, которое отлично суммирует всю гнойную суть жизни в США в эти проклятые первые годы постамериканского века. Только с блядей и идиотов станется не признать этого.

Можно, конечно, сказать, что всем этим калом мы обязаны семейке Буш из Техаса, но сказать так – значит слишком все упростить. Буши – всего лишь подставные фигуры растленного, кровожадного картеля богомазов и безумных богатых магнатов, которые правят этой страной вот уже лет 20 и собираются еще лет 200 продолжать в том же духе. Они умеют отдавать приказы, и они не задают слишком много вопросов.

Реальная власть в Америке принадлежит шайке олигархов, состоящей из сутенеров от политики и бизнеса и священников, которым решительно не нужна никакая Демократия, не говоря уже о честности или хотя бы деревьях – хотя, возможно, следует сделать исключе-

¹ Один из антидепрессантов последнего поколения.

ние для тех, что растут в их собственных дворах. Они поклоняются деньгам, могуществу и смерти. Идеальное решение всех проблем нации для них – это новая Столетняя война.

Грядущее фашистское полицейское государство никому не покажется фунтом изюма, и меньше всего – людям типа меня, которые не испытывают ничего, кроме презрения к трусливым любителям облизывать флаг по поводу и без, которые будут рады отдать навязшую им в зубах свободу, чтобы жить со своей порцией жратвы в опутавшей всю страну паутине лжи и «свободы от страха».

Хо-хо-хо. Тут давайте остановимся подробнее. Свобода – устаревшее понятие в этой стране, вчерашний день. Вышла, вишь, из моды. Единственная свобода, на которую мы можем претендовать сегодня, – это свобода от Идиотизма. Остальное не важно.

* * *

Моя жизнь – полная противоположность буржуазному покою и безопасности, я горжусь этим, и мой сын гордится этим, и мне этого вполне достаточно. Я собираюсь продолжать в том же духе, не сбрасывая оборотов; но я никогда не порекомендовал бы то же самое остальным. Это было бы жестоко, безответственно и неправильно, совсем не в моем духе, короче.

Уупс, все, ребята. Время вышло. Извините. Счастливо.

ХСТ

P.S. «Разница между *почти верным* словом и *правильным* словом – как между светлячком и молнией».

Марк Твен

Часть первая

Когда бытие становится странным, странность становится системой

Нет никаких шуток.

Правда – самая смешная шутка на свете.

Мохаммед Али

Почтовый ящик: Луисвилль, лето 1946 года

Я рос в приличной семье и, как все мои друзья, искренне полагал: полицейские – наши друзья и защитники. Человек с полицейским значком служил для нас символом непреложного авторитета. Никто и не пытался спросить: почему, собственно? Это же один из тех неуместных вопросов, которые лучше оставить при себе. Его мог задать лишь Подозреваемый в черт знает чем или, что еще того хуже, тот, кто давно уже сидит за решеткой. Так что спорить тут особо не приходилось.

Мое первое столкновение с ФБР произошло, когда мне исполнилось 9 лет. Двое агентов с мрачными рожами явились к нам домой и до оторопи напугали родителей, заявив, что я являюсь «главным подозреваемым» в деле о вышвыривании ящика Федеральной Почты под колеса мчащегося на полной скорости автобуса. Это не что иное, как Государственное Преступление, твердили они, оно влечет за собой тюремное заключение сроком на пять лет.

– Нет, нет! – взвывала тогда моя матушка. – Только не в тюрьму! Это безумие! Он же всего лишь ребенок, он не знал, что делал.

– Предупреждение совершенно ясно напечатано на ящике, – сказал агент в сером костюме. – Он достаточно взрослый, чтобы уметь читать.

– Совершенно не обязательно, – резко возразил мой отец, – откуда вы знаете, что он не слепой или не слабоумный?

– Ты слабоумный, сынок? – спросил меня агент. – Или ты слепой? Может, ты только притворялся, что читал газету? – Он указал на «Louisville Courier Journal», валявшийся на кровати.

– Только спортивную страницу, – объяснил я ему. – Остальное читать невозможно.

– Ну, вот видите, – сказал отец. – Я же говорил, что он слабоумный.

– Незнание законов не освобождает от ответственности, – парировал агент, щеголявший в коричневом костюме. – Порча имущества почты Соединенных Штатов – это преступление, попадающее под действие уголовного кодекса. Почтовому ящику нанесен серьезный ущерб.

Почтовые ящики, помнится, были здоровенными. Тяжелые железные сейфы, крашенные в зеленый цвет, они высились как верстовые камни римлян на обочинах дороги. Их очень редко передвигали, если такое вообще когда-то случалось. Я вырос достаточно, чтобы самостоятельно дотянуться до щели для писем, но едва ли мне было под силу повалить эти ублюдочные ящики прямо под автобус. Понятно, что в одиночку я никак не мог провернуть это грязное злодейство, и именно поэтому они и приперлись: чистосердечное признание, а также имена и адреса. Они уже знали, что я виновен, поскольку остальные подозреваемые меня уже застучали. Отец схватился за голову, и я увидел, что мама заплакала.

Конечно, я это сделал, и не без посторонней помощи. Операция была тщательно спланирована и продумана со всей взвешенностью и предусмотрительностью, на которую только способны умненькие девятилетние мальчики, располагающие массой свободного времени и неутоленной жаждой мести. Мстить мы собирались тупому и наглому водителю, который захлопывал двери, едва завидев нас на близлежащем холме, так что приходилось слезно умолять его открыть их нам... Он работал недавно, должно быть, взяли какого-то дебила на замену обычному водителю – доброму и отзывчивому, у которого всегда находилось несколько секунд, чтобы дождаться детей, спешащих в школу. Все окрестные ребята считали, что новый водитель – свинья и садист, заслуживающий примерного наказания. Мы, учащиеся Хоукс, выполняли свой долг, а не занимались пустым баловством.

Чтобы сделать все, как положено, нам были нужны веревки и шкивы и совсем не нужны свидетели. Мы наклонили железную махину так, чтобы она зависла, накренившись, и в нужный момент грохнулась прямо под колеса этому болвану, когда, как обычно, он принесется на остановку с недопустимо высокой скоростью. Вся система приводилась в действие при помощи 15-метровой «невидимой» лески, на другом конце которой мы и притаились в кустах, ожидая условленного сигнала.

Все сработало идеально. Ублюдок прибыл точно по расписанию и, уж конечно, так несся, что не успел затормозить, когда эта железная хреновина рухнула ему под колеса... Раздался невообразимый грохот, будто партизаны пустили под откос эшелон с фашистами. По крайней мере так оно мне запомнилось. Самый стремный шум, который мне когда-либо доводилось слышать. Люди с воплями повыскакивали из домов, как перепуганные куры. Они орали друг на друга, а водитель тем временем выполз из кабины и рухнул на ближайшем газоне... Автобус шел пустой, все-таки самый конец линии. Водитель не пострадал, но осатанел от ярости, увидев, как мы сползаем с холма и мчимся по близлежащей аллее. Так что он отлично знал, кто над ним так подшутил, да и жившие по соседству люди, пожалуй, тоже хорошо все это знали.

– К чему запираяться, Хантер? – спросил меня один из агентов ФБР. – Мы отлично знаем, что в субботу происходило на этом углу. Твои дружки уже во всем признались, сынок. Они *донесли* на тебя. Мы знаем, что ты сделал это, так что не стоит врать нам и пуще прежнего ухудшать свою участь. Ведь приличным деткам вроде тебя нечего делать в тюрьме нашего штата. – Он снова улыбнулся и подмигнул моему отцу.

Тот немедленно зарычал:

– Скажи же Правду, черт побери! Не лги этим людям. У них есть *свидетели!*

Агенты ФБР мрачно кивнули и чуть двинулись вперед, как будто уже изготовились тащить меня в темницу.

Так пришел один из волшебных моментов моей жизни, определивший многое из того, что случилось позже. Как и любой 9-летний мальчик, выросший в 40-е годы после Второй Мировой Войны, я, как сейчас помню, подумал: «Да, ну вот теперь и все. Они из ФБР и...»

ШВАХ! Словно недалекая молния ярко разрезает небо и все вокруг, проходит несколько секунд, прежде чем до вас докатится раскат грома... Однако когда тебе 9 лет и перед тобой стоят двое взрослых вооруженных агентов ФБР, собирающихся тащить тебя в Федеральную тюрьму, несколько секунд могут показаться всей оставшейся жизнью. Именно таким теперь я вспоминаю то мгновение – как миг между молнией и раскатом грома. Они держали меня прямо за яйца. Я был Виновен. К чему отрицать это? Сознаться Прямо Сейчас, отдаться на их милость, или...

А если? А если я *не* признаюсь? Интересный ведь какой вопрос. Я был любопытным мальчиком и решил извернуться ужом и опробовать и эту возможность.

– Кто конкретно? – спросил я. – Кто показал на меня?

Достаточно обычный вопрос, при таких-то обстоятельствах. В самом деле, интересно же, кто из моих лучших друзей и кровных братьев в этом вшивом Хоуксе не выдержал давления и выдал меня? Отдал на растерзание этим помпезным громилам-козлам, этим жабам с их значками и пластиковыми карточками в бумажниках, на которых написано, что они работают на Дж. Эдгара Гувера, представляют тут Закон и, стало быть, обязаны утащить меня в кутузку, просто полагаясь на «слухи, гулявшие среди соседей». Чтобы мои парни обделались и донесли? Нет. Это невозможно.

Во всяком случае, это *не слишком вероятно*. Да черт побери, никто в Хоуксе не станет доносить мусорам. Тем более на Президента. На Меня то есть. Так что я спросил еще разок: – Свидетели? Какие конкретно у вас есть свидетели?

* * *

Насколько я помню, этим все и закончилось. Мы обозрели мгновение тишины, как выразался мой старый друг Эдвард Беннетт Уильямс. Никто не издавал ни звука – особенно я, – пока наконец мой отец не нарушил напряженную тишину, и теперь в его голосе слышалось изрядное *сомнение*:

– Думается, мой сын прав, офицер. С кем именно вы говорили? Я и сам собирался об этом осведомиться.

– Не Дьюк же! – вскричал я меж тем. – Он с батей уехал в Лексингтон! И не Чинг! И не Джей!

– Заткнись! – шикнул на меня отец. – Сиди тихо и дай мне спокойно со всем этим разобраться.

Так все и кончилось, пацаны. Мы больше никогда уже не видели этих агентов ФБР. Никогда. Тогда я получил отличный урок: никогда не верить первым словам, с которыми мусора подкатили к тебе, особенно если речь идет о том, что ты виновен в преступлении. Возможно, все не так очевидно, как они говорят. Возможно, они просто блефуют. Возможно, ты просто невиновен. Возможно. Закон ведь – до того туманная штука... Так что никогда не верьте легавым.

Так или иначе, никого тогда не арестовали. Агенты убрались восвояси, ящик водрузили на его крепкие железные ноги, и мы уже никогда больше не видели ту пьяную свинью, что подменяла нашего прежнего водителя.

Вы сделаете это снова?

В этой истории не содержалось никакой морали – во всяком случае, для умных людей, – однако она научила меня ряду вещей, не раз сгодившихся впоследствии. Одна из них – это разница между Моралью и Мудростью. Мораль – преходяща. Мудрость – вечна. Хо-хо... Обдумайте это сегодня перед сном.

После этой истории с почтовым ящиком, к примеру, я узнал, что ФБР *не непобедимо*, а это уже совсем неплохо для девятилетнего парня в Америке. Не случись этого, я вырос бы другим человеком, повзрослевшим и сформировавшимся при совершенно других обстоятельствах. Я бы не толковал с вами в таком тоне, не сидел бы сейчас перед этой чертовой пишущей машинкой в 4:23 утра, с пустым стаканом под боком, не прикуренной сигаретой во рту и голой бабой, горланящей «Порги и Бесс» в телеке на другом конце комнаты.

На одной стене я вижу двухметровую двуручную пилу с двумя сотнями острейших зубьев и надписью «ОТКРОВЕНИЯ ЛУЧШЕЙ В МИРЕ ЖОПЫ С РУЧКОЙ», начертанной размашистыми золотыми буквами прямо по ржавому полотну пилы... На одном конце пилы висит мумифицированное копыто лося, а также чудным образом раскрашенная деревянная

птичка, привезенная из России, которая якобы приносит мир, счастье и процветание для всех, кто под нею ходит.

Эта странная птичка провисела тут 15 весьма экстремально насыщенных лет; без сомнения, из сентиментальных соображений, но сегодня я первый раз решил задуматься над ее ролью в моей жизни. Приносила ли счастье эта древняя деревянная поделка из России? Или, напротив, несчастье приносила? Должен ли я оставить ее своему сыну, своему внуку? Или лучше отволочь ее во двор и казнить, как шлюху-предательницу?

Вот это Настоящий вопрос. Должна ли эта птичка остаться и служить объектом поклонения для последующих поколений? Или заслуживает жестокой смерти за то, что принесла мне несчастье?

Один из аспектов этого вопроса серьезен аж до жути. Не подросла ли пора проверить Счет? А что, если окажется, что я – Лузер? Э, давайте станем тут поосторожнее. Мы вступили в опасные края.

Ну да ладно. На самом-то деле я не ищущий судей. В конце концов, каким же надо быть дремучим туземцем, чтобы верить во все эти дерьмовые талисманы.

* * *

Вдруг я услышал, как в кабинете завизжала Анита, да так, будто бы загорелось полдома разом. Отлично, подумал я. Вот и нашлось, чем заняться. Я потянулся за 8-килограммовым огнетушителем, стоявшим у двери, надеясь наконец-то развлечься по-настоящему.

Оказалось, ничего подобного. Анита вылетела из-за угла с компьютерной распечаткой в руках.

– Президент пригрозил захватить нефтяные поля в Саудовской Аравии, если они не помогут нам в борьбе со Злом Терроризма, – захватить поля при помощи войск!

Она выглядела так, будто объявили о начале Четвертой Мировой войны.

– Это безумие! – вскричала она. – Мы же не можем так просто вторгнуться в Саудовскую Аравию!

Я обнял ее и переключил телек на CNN. Министр обороны Дональд Рамсфельд, размахивая руками перед камерой, обличал эти слухи как «полную чушь» и через слово обещал «обнаружить и обезвредить» всех, кто допускает эти «безответственные утечки» из недр Пентагона. Он явно хотел Наказать хоть кого-нибудь прямо сейчас. *Конечно же*, США не собираются объявлять войну Саудовской Аравии, своему близкому и верному арабскому союзнику. Это же безумие.

– Не обязательно, – заметил я, – во всяком случае, до тех пор, пока эти полудурки не напортачат чего похуже и Буша не сожгут на столбе у Белого Дома. «Разумно» – это когда есть богатство и власть, «безумие» – это бедность и слабость. «Разумно» богатых гуляет на свободе, «безумие» бедных сидит за решеткой. *Res Ipsa Loquitur*², Аминь, Счастливо...

* * *

Ну ладно, что-то мы отвлеклись, верно? Хватит уже про этих угашенных гашишем безумцев. А вот что будет, если птица скажет, что я ошибаюсь и ошибался всю свою жизнь?

Знаете что, это ведь не так уж и приятно – сидеть тут одному и в очередной раз готовиться окончательно определиться с Президентом Соединенных Штатов Америки, поставившим нас на грань войны со всем исламским миром... Нет. Я же стану изменником, опас-

² Дело говорит само за себя (*лат.*).

ной Угрозой Безопасности, того и гляди Террористом, чудовищем и преступником в глазах Закона.

Ладно, ближе к делу. Что могу сказать: мы в этой стране добрались до чертовски важной развилки, очередного противостояния правильного и неправильного, очередной необходимости решить – «*на чьей ты стороне?*». Что-то типа наклейки на бампере: «ТЫ РАЗУМЕН ИЛИ БЕЗУМЕН?»

Этот вопрос приходит мне на ум едва ли не ежедневно, как некий пункт в анкете. Обычно я ставлю галочку в разделе «разумен», и как раз поэтому я до сих пор жив, на свободе и сравнительно неплохо обеспечен.

* * *

В этой стране несусветная чушь задерживается в школьных классах и судах надолго. Странные мифы и дурацкие истории – вот те монеты, которые ходят в королевстве нашей культуры, они же – пароли и ключи, необходимые для выживания. Ведь даже самым последним мерзавцам стоит задуматься, прежде чем отправлять свое дитя в школу, если оно исполнено ненавистью к Санта-Клаусу, Иисусу и Регулярной Чистке Зубов. Это нечестно и несправедливо по отношению к ребенку. Очень скоро его (или ее) начнут избегать и остерегаться, как прокаженного, причем не только ученики, но и учителя, и он никогда не придет домой с хорошими оценками. Очень скоро дитячко начнет носить длинный черный плащ и отпускать злоешие шутки по поводу оружия массового поражения.

Странное поведение естественно для умных детей, совершенно как любопытство – для котят. Для меня это не являлось секретом, пока я подрастал в Кентукки. Жажда приключений обурежала меня и вскоре привела в лабиринт экспериментов над поведением, которые не на шутку озадачили моих родителей. Ребята меня уважали, неплохие оценки, казалось бы, сулили пристойное будущее, и в то же время мой мрачный юмор уже в те годы пугал некоторых взрослых так, что они старались меня избегать.

Я рос малолетним правонарушителем. Я был Билли Кидом Луисвилля: мне нравилось воровать, крушить, пить алкоголь. Все это необходимо, если уж ты решил стать преступником. В шестом классе меня избрали начальником Патруля Безопасности – тех самых ребят с бейджиками, которые присматривают за порядком в школе во время перемен и после занятий. Считалось, что это очень почетный пост, и наша классная разъярилась, узнав о моем избрании.

– Это ужасно, – сказала она. – Этому Хантеру ничего нельзя доверять. Он же просто маленький Гитлер.

Я не очень-то понял, что она имела в виду, но рассудил, что речь шла о том авторитете, которым я пользуюсь у остальных школьников. И что для блага общества, возможно, придется сделать мне лоботомию.

Уже в детстве я не сомневался, что мне предстоит жить среди изгоев, людей вне закона. Я вечно оказывался против, против любого большинства. Считается, что жить таким образом не очень-то легко, и это чистая правда. Я честно всех предупреждаю: далеко не все приспособлены к Жизни Вне Закона.

Меня арестовывали, да, но только за те вещи, которые я никогда не совершал. Да и то – все эти «преступления» произошли совершенно случайно. Я оказывался в неправильном месте в неправильное время, да еще и проявлял излишний энтузиазм. Это та самая черта характера, с которой мне особенно трудно совладать.

* * *

Наверняка каждой культуре необходим некий Бог Непослушания, и, сдастся, в настоящий момент я выполняю схожие функции. Кто знает, отчего бы и нет. Я никогда не изучал специально подобные материи, но эта мысль пришла мне в голову, когда я читал статью Питера Уитмера в номере «Saturday Review» за январь-февраль 1984-го.

На ум сразу пришли Лоно, Робин Гуд, Бахус, греки со всеми их пухлыми молоденькими мальчиками, ирландцы и их фанатичное пьяное поклонение проклятым, отверженным героям... Господи, кажется, даже у шведов было нечто вроде такого Бога.

Однако Библия не упоминает о хороших отступниках, стоявших Вне Закона, так мне думается, – во всяком случае, Церковь и ее прихвостни продолжают твердить о неотвратимом наказании для всех грешников. Библия не делает исключения даже для благородных социальных отщепенцев. Они тоже будут брошены в Озеро Огня. Наказание неизбежно. На хуй пошли все эти козлы.

(ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА)

Простите, мне тут позвонили из Нью-Йорка, журнал «Newsweek». Хотели знать, что я думаю о «шокирующей сделке Мутомбо-Ван Хорн», которая состоялась сегодня и теперь полностью изменит баланс сил на Востоке в НБА, – а я обо всем об этом имею самое отдаленное представление. Что за фигня, думаю. Они что, решили, я знаменитый спортивный обозреватель?

– Сделка совершенно бессмысленная, – сказал я в трубку. – Это то же самое, что выкладывать 300 баксов за старый матрас.

Ну а потом парня, который звонил мне, кто-то куда-то отозвал, и он бросил трубку. Ну и что с того? Не очень-то и хотелось с ним беседовать. В конце концов, я тут серьезным делом занимаюсь, да и Анита проголодалась. Самое время прокатиться.

* * *

На великом американском западе есть девять по-настоящему экзотических городов, но Томасвилль, Колорадо, определенно не относится к их числу. На город легло мощное и неотвратимое проклятие Ричарда Никсона, подписавшего в 1970-м закон о защите окружающей среды. Оба местных нефтеперерабатывающих завода под эту сурдинку моментально закрыли, потому что их нефтехранилища, которым давно перевалило за 50 лет, напрочь проржавели и пропускали целые тонны бензина в величавые волны реки Фрайинг Пэн, некогда известной как отличное место для рыбалки.

30 миль крутого подъема на Томасвилль мы одолели примерно за пять часов. Я вел свою Красную Акулу – модернизированный «Чеву Кэпрайс-454», 1973 года, с укрепленными окнами, сиденьями с подогревом и максимальной скоростью 135 миль – но только не по извилистой двухполосной проселочной дороге, которая все время идет круто вверх. Это маршрут не для слабонервных – начинаясь в летней жаре посреди персиковых деревьев, он ведет через редкую поросль высокогорья, к снежным вершинам, где бродят дикие звери, а человек может выжить лишь с большим трудом. Это маршрут к ледящему крову Хагерман Пасс.

Но об этом чуть позже. Мы ведь едва не ломанулись вперед собственной истории, а так поступают одни только засранцы...

* * *

Мы уже почти приехали в Томасвилль, как вдруг я увидел скопище полицейских мигающих, а также копа, стоящего посреди дороги и размахивающего красным флажком.

– Господи Иисусе, – пробормотал я. – Это еще что за нахухоль?

Анита закопошилась, пытаясь спрятать бутылку вина объемом в полгаллона, а это не так уж просто в огромной красной машине с открытым верхом и полуголой девушкой на заднем сиденье. Люди-то смотрят.

Так или иначе, вскоре мы узнали о «новой директиве, прямо из Вашингтона пришла», согласно которой предписывается держать бродяг, иностранцев и прочую шваль подальше от всех Национальных Парков нашей нации, поскольку они разводят там костры, распространяют чуму и чего еще этим грязным террористам придет в голову. Они – Зло в чистом виде, дикие люди, и их необходимо арестовать, пока они не спалили всю эту чертову страну.

Я никогда не испытывал предубеждений по отношению к иностранцам, а вот среди моих сограждан эта психическая болезнь, сродни *нервному срыву*, давно уже приобрела характер повальной эпидемии. Вначале это выглядело ОТВРАТИТЕЛЬНО, потом ОСТОЕБЕНИЛО И ЗАХОТЕЛОСЬ СБЛЕВАТЬ.

* * *

Большинство людей бывают счастливы по пятницам, но вчера мне было не до смеха. Это оттого, что как раз вчера я поехал в горы, чтобы выяснить ситуацию с противопожарной техникой в жалкой горной деревушке Томасвилль, затерянной в глубине Национального Парка, охваченного пожарами, проносимыми от холма к холму и уничтожающими все на своем пути.

* * *

Красный Петух – страшная вещь, особенно при близком рассмотрении. Однажды с ней столкнувшись, вы уже никогда не забудете эту панику, этот жар, этот оглушительный рев пламени в вышине. Мне становится не по себе всякий раз, как подумаю об этом. Если замерзнуть до смерти – самый элегантный способ смерти, то сгореть в лесном пожаре – определенно самый страшный и неприятный. Будьте настороже. Огонь подобен молнии: они оба убивают, хотя молния делает это быстрее. Это такой бесповоротный ШВАХ без малейшего предупреждения, – и все, нет тебя как не было, затраты на похороны минимальные.

Пережить удар молнии – это даже хуже, чем погибнуть от нее, если верить выжившим (вернувшимся из мертвых, точнее говоря). 8 000 000 000 вольт – слишком круто для хрупких тканей человеческого организма. Такой заряд поджаривает каждый орган на своем пути, начиная с кровеносных каналов и заканчивая мочеполовой системой, не исключая клеток мозга, поджаривает до состояния подгоревшего бекона.

Моего друга Текса как-тошибанула молния, в один мрачный полдень, на парковке, что недалеко от таверны «Вуди Крик».

– Она выбила из меня все дерьмо, – рассказывал он потом. – Меня отшвырнуло на пятнадцать метров, через дорогу и через забор. На сорок минут я отрубился, а когда очнулся, от меня воняло жареным мясом.

Я был там в тот день и подумал, что прямо перед моим носом взорвалась бомба. Я отрубился тогда на какое-то время, не очень надолго. Очнулся уже в сверкающей темно-

синего цвета «скорой» в компании двух медиков, практикующих под руководством местного шерифа.

– О’кей, ребята, – сказал я им спокойно. – Шутка удалась. Давайте не будем теперь нервничать. Ну-ка, выпустите меня отсюда, джентльмены, – прохрипел я. – Меня немного мутит, но, думаю, это сейчас пройдет. Руки прочь от меня, свиноебы!

Без сомнения, для стороннего уха прозвучало грубовато, но на самом деле я не стремился никого обидеть. Эти люди хорошо меня знали.

* * *

Обычно вечер пятницы в этих краях – расслабленное и счастливое время, но только не сегодня. Я живу в горах, на высоте 8000 футов, то есть на высоте в полторы мили. Там, где «целебный горный воздух», как вякают рекламные брошюры. Здесь легкие становятся больше, а кровь – жиже, и недвижимость делается подозрительно дорогой. Жизнь тут никогда не была конфеткой, но теперь, когда этот новый век выплеснулся на нас, будто где баллон с гноем прорвало, наши горы превратились в нечто вроде безжалостного ада.

Согласно сообщениям «The New York Post», весь штат Колорадо охвачен огнем, а местный губернатор-республиканец воеет, точно баньши, о гибели штата таким, как мы его знали, причем еще до конца этого лета.

Этот момент наступил через 90 дней, где-то недалеко от 11 сентября 2002 года, всего один ужасный год после того, как эти глупые мудаки снесли с лица земли ВТЦ... к этому моменту мы уже ввяжемся в войну, а если кто-то будет против, ему придется несладко.

* * *

Настоящая молния порой может шарахнуть при действительно странных обстоятельствах. Много лет назад 19 (девятнадцать) членов семьи Стрэндж в Северной Каролине попали под удар в один момент – все они стояли, опершись на хорошо проводящий железный забор, и созерцали фейерверк в честь 4 июля. Все они выжили, хотя и сильно пострадали. Смахивает на случай из Ветхого Завета или на пример экстремально плохой кармы для тех миллионов нехристиан, к которым я отношу и себя. Признаться, я стараюсь избегать всех сект и ритуалов, всего, что связано с Христианской Церковью.

Я видел, как тысячи священников, епископов и даже сам папа превращаются в охватившую весь мир сеть воров, извращенцев и содомитов, которые безжалостно трахают детей обоих полов, приговаривая, что это им святое воздаяние за первородный грех.

Я видел, как иудеи несутся, как безумные, по Палестине, подобно жаждущим крови зверям, и как шесть миллионов безмозглых баптистов требуют смертной казни без суда и следствия для всех язычников, и иностранцев, и людей вроде меня, которые не молятся с ними в тех гнусных маленьких грязных сараях, которые они зовут церквями. Они напоминают мне орду пищущих крыс, бегущих из подвала горящего дома, и мне не хотелось бы оказаться в их числе. В самом деле, у меня есть своя вера и собственные боги для поклонения, и я преданно служу им уже десять тысяч лет, как самые лучшие атомные часы на вечной батарее.

Эй-эй! Сдается, я встрял в некие мстительные дрызги, а ведь это совсем не то, что нам сейчас надо, верно? Так что давайте оставим мудрость на потом.

* * *

Итак, мы с Анитой ехали вверх, в горы, чтобы сверху лично обозреть тот огненный шторм, который должен уничтожить половину жителей штата к концу лета... Официально весь Колорадо охвачен огнем, во всяком случае, так полагает Губернатор и те сердобольные люди в Вашингтоне, что дали ему 35 миллионов долларов на Восстановительные Работы и Оборудование для Борьбы с Огнем, которая обещала стать бесконечной.

В пятницу утром шериф позвонил мне и попросил исследовать этот вопрос.

– Ты должен будешь поехать в Томасвилль, – сказал он мне. – Куда нам эвакуировать людей, когда огонь доберется до нас? Езжай наверх и разберись, что там происходит. Загляни заодно на Водохранилище. Боюсь, как бы нам без воды в этой долине не остаться.

«Почему бы и нет?» – подумал я. Берем наш красный «кадиллак» с открытым верхом и побольше хорошего джина. Все, за что берешься, следует делать правильно.

* * *

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я в первый раз услышал историю о «бандах вооруженных до зубов евреев, которые рыщут по окрестностям и мудохают каждого, кто хоть немного похож на араба».

– Боже, боже, – бормотал я тогда себе под нос. – Евреи не водятся на такой высоте. В эту историю вкралась какая-то ошибка.

Так что мы решили направиться в Томасвилль в первую очередь. Мне хотелось посмотреть, что там происходит, Аните тоже... а тут еще и шериф все о том же, так что дело пошло. Ему не потребовалось выдавать мне какие-нибудь верительные грамоты, поскольку я избирался Коронером этого округа в течение 20 (двадцати) лет... а ведь в Колорадо Окружной Коронер – единственное официальное лицо, обладающее полномочиями *арестовать шерифа*.

Таково одно из ключевых положений моей пресловутой мудрости: Политика – это искусство контролировать свое окружение. Разумеется. Никогда не забывайте об этом, чтобы однажды не пасть жертвой своего окружения. Богатые ублюдки и подонки-адвокаты способны отравить жизнь хуже любого араба, и ваша участь окажется сходной с участью восьмого шара в одной из провинциальных бильярдных недалеко от Атланты: оп, укатился – и нет его. Так что шутки в сторону.

И так уже заболтались. Ведь евреи не играют в пул, равно как и арабы. Это же люди племен, мыслят они примитивно. Их генетический императив приказывает им убивать друг друга, и остается только ему следовать. А может, источником всех этих диких импульсов служит не что иное, как Библия. Ведь Библия не прощает. Во всей книге нет и щепоти милосердия или юмора. Ни единой.

Подумайте об этом, ребята. Покажите мне хоть один смешок, хоть одну чертову шутку в этом сочинении.

Люди часто спрашивают меня, верю ли я в Бога, или последнюю инстанцию справедливости, или четко очерченный индикатор, который определяет мои «за» и «против» в этом мире. Хо-хо. Это слишком глупо, чтобы даже задумываться, – глупо примерно в той же мере, что и знак «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ» на жемчужистых воротах Рая.

Хотя и не вполне так. Не поймите меня неправильно, парни. Это просто разнузданная «фигура речи», неудачная метафора. Мы ведь Искусством тут занимаемся, а не Законом. Если бы тот фрикер, что написал Книгу Откровения, однажды попался и его отправили бы в темницу за все те угрозы, которые он бросал человечеству, то Военный Трибунал не оставил

бы от него и мокрого места. Туда тебе и дорога, Джонни, то есть Иоанн, ты все равно никогда нам не нравился. Счастливо.

Свидетельница I

Далеко не все понимают подлинное значение слов «попасть в Систему». Это юридическое понятие, которое зачастую можно услышать в кулуарах полицейских конгрессов или на судебных слушаниях, в воняющих потом судах больших городов. Что-то типа: «Пришло время, судья, лишить этого переполненного скверной преступника свободы и предоставить его Системе».

Мы говорим тут об Уголовной Системе, и если вам довелось иметь с ней дело хотя бы однажды, то какая-то часть вашего мозга будет думать о ней постоянно, всю оставшуюся жизнь. Это что-то вроде пивки, незаметно присосавшейся к вашей спине... Да спросите хотя бы Билла Клинтона.

Некоторые называют это реабилитацией, но...

* * *

Убийство полицейского – это всегда громкая новость, за исключением тех случаев, когда полицейские убили своего же, но такие сообщения доходят до прессы изредка и лишним шумом не сопровождаются. Братство блюстителей порядка становится очень строгим, если речь заходит о шумихе вокруг них в прессе. Среди адвокатов, занимающихся уголовным правом, есть неписаное и основополагающее правило: «Прежде всего, адвоката нельзя упрятать за решетку». Это правило не так-то легко заметить, ведь по правилам адвокат сам является офицером суда.

Никогда не упускайте из виду этот факт, если вас формально обвиняют – в чем угодно, от воровства в магазине до убийства. Теперь вас собираются Приговорить и Наказать в любом случае, за какое-либо нарушение любой из статей уголовного кодекса. Закон уже не на вашей стороне, если вы сидите на скамье подсудимых. Они тут, чтобы сцапать вас, и сделают это быстро, если только вы не будете наготове.

«Тот, кто предстает перед Законом, держит за уши волка», – сказал некогда Роберт Бертон, и я привел тут эту цитату, как весьма насущное предупреждение для наших приближенных к военным условиям. Сейчас 2002 год. Американский Век закончился в 2001-м. Они были очень Пунктуальны, ведь Фашистский менталитет не способен выжить без брутальной пунктуальности. Никогда не опаздывать, из страха быть обвиненным в Нестандартном Поведении и быть Преданным Системе. БУМС! БАМС! ... Зиг Хайль! Кто тут Бог? Босс – это Бог, а вот ты – нет... Эй, скотина, да ты же Никто! Ты Виновен! Ты хуже дерьма последнего из животных!

Тааак точно, Босс! Я сделаю все, что вы скажете, только не сажайте меня в тюрьму. Я виновен. Я сделаю все, что вы скажете.

* * *

Стояла холодная и темная зимняя ночь, когда свидетельница впервые постучалась в мой дом. Крупная женщина, около 35 лет – темные волосы, длинные ноги, со вкусом созданные силиконовые груди. Некогда она работала в Южной Калифорнии, снимала порнуху. Не самая худшая работа из тех, что доступны в Л.А., особенно если у вас есть природный талант и предрасположенность, как раз как у этой дамы. Я сразу же ее узнал.

Я знаком с Секс-Бизнесом. Некогда даже работал Ночным Менеджером в знаменитом кинотеатре «О’Фаррелл» в Сан-Франциско, два года кряду, и до сих пор у меня наметанный глаз на такого рода девчонок. Проплясав 2000 ночей голой у всех на виду, они приобретают какую-то особую радиацию. Люди секс-бизнеса сразу узнают друг друга. На них будто бы стоит логотип брэнда «XXX».

Не такой уж отталкивающий и недружелюбный брэнд. Получше шрама на щеке или татуировки на заднице, гласящей: «СОБСТВЕННОСТЬ АНГЕЛОВ АДА». Задница с такой наколкой никогда не пошла бы в стрип-барах Нэшвилла или Толедо. Посетители почувствовали бы себя уязвленными. Известно к тому же, что именно те, кто оставляет в подобных местах большие деньги, с большим подозрением относятся к девицам, которые катались вместе с «Ангелами Ада». Метка бизнеса XXX – это больше показатель отношения, чем брэнд или отталкивающая татуировка.

«О’Фаррелл» когда-то называли «Карнеги-Холл публичного секса в Америке». Вполне подходящее место работы в эти обезумевшие от сребролюбия годы, последовавшие после Рейгановской Революции. Мы всегда держали наготове сотню девочек, и еще больше их значилось в нашем «листе ожидания». Голые бабы шли в те годы на «ура». Теперь эту эпоху называют «Золотым веком порнографии»: фильмы снимали при ярком свете софитов на обычную целлулоидную пленку.

«Глубокая глотка» и «За зеленой дверью» по-прежнему собирали толпы мужчин и женщин в уважаемых кинотеатрах по всей стране. Оральный Секс стал мейнстримом, его обложили налогом. Бабло полилось рекой, и секс царил повсеместно, 24 часа в сутки. Порошковый кокаин стал самым употребительным наркотиком, впрочем, ЛСД-25 все еще пользовался успехом среди безтормозных граждан, пользующихся средним достатком.

20 свихнувшихся на сексе лет, что пролегли между изобретением противозачаточных таблеток и эпидемией СПИДа, – дикая и оргиастическая пора, и мне она нравилась.

Эх, это все случилось так много лет назад, по крайней мере теперь так кажется. Отличное время для тех, кто молод и беззаботен, когда ты все еще мог повести свою девушку в кино, не опасаясь быть избитым незнакомцами, которые затем потребуют у них отсосать. Эти штуки начались с приходом демократов, которые быстро сообразили, что попасться на содомии в Вашингтоне – верный способ переизбраться в таких штатах, как Арканзас и Калифорния. Когда бы не закон, запрещающий одному президенту оставаться более чем на два срока, Билл Клинтон по-прежнему сидел бы в Белом Доме, а над нами не довлел бы страх.

Хотя, может, и нет. Есть и другая школа критической мысли, которая утверждает, что Билла просто убрали бы, рыпнись он по поводу третьего срока. «Техасская мафия никогда бы этого не допустила, – считает мой приятель Кертис. – Его бы просто удалили, как гнилой зуб». Возможно, надо вырасти в Техасе, чтобы вполне понимать подобный ход мысли, но кто его знает. Техас ведь – не единственный штат, где живет много богатых мерзавцев, одержимых дурацкими идеями. С некоторыми из них я накоротке знаком, но даже если человек приятен за парой коктейлей, это вовсе не удержит его от отвратительных поступков. Жестокость и извращение – самое обычное дело в нефтяном и порнобизнесе.

На самом деле эти истории давайте отложим на потом, а пока что вернемся к женщине, которую я начал было описывать. Ее зовут Гейл, но по ряду соображений мы лучше будем звать ее Джейн. Еще бы – ведь назови я ее Гейл, геморроя от адвокатов потом не оберешься.

Мы будем называть ее Свидетельницей, тем более что это имя очень подходит ей по сюжету развернувшейся драмы. Некоторые называли ее Жертвой, но не очень-то долго.

Я не знал Свидетельницу лично, а вот она, по-видимому, знала меня совсем неплохо. Она доставала меня по почте четыре или пять месяцев, настаивая, что я и не подозреваю, как много теряю, так до сих пор и не встретившись с ней для ненапряжного разговора о славных деньках в Порнобизнесе. Нам было бы веселее, чем обезьянкам в жару, уверяла она. Хо-хо. Она даже собиралась прибыть в Колорадо, чтобы встретиться со мною в моем собственном диком краю. Она уже прислала мне толстую пачку листов дешевой бурой бумаги, на которых излагались ее приключения – всеми уважаемой ученицы колледжа, чирлидера, благодаря случайности угодившей в Порно Бизнес и ставшей в нем звездой.

– Думаю, мне просто повезло, – скромно сказала она. – Но однажды, поняв, как много таланта мне дано, я перестала оглядываться на прошлое. Удивительно, не правда ли?

Джейн излагала мне свои дела с порнухой предельно откровенно, мне, совершенно незнакомому человеку. Она гордилась своей деятельностью. Ее послужной список говорит сам за себя: девять успешных XXX-фильмов, включая такую классику беспредельной непристойности, как «Горячие губы», «Конфетка отправляется в Голливуд», «Съешь меня, пока я горяча», а также воистину разлагающая сага о насилии и деградации «Нацистское порево», действие которой происходило в японской секс-тюрьме где-то на южных островах Тихого Океана. Там в роли берсерканаца снимался Длинный Джон Холмс и пять беспомощных белых женщин с огромными сиськами.

«Нацистское порево» долгое время оставался моим любимым фильмом в этом жанре. Это история о кораблекрушении, садизме и лишенных малейшей надежды женщинах-жертвах, заключенных на маленьком тропическом острове в компании нацистского военного преступника и двух жестоких японцев, помешанных на сексе. Обнаженных белых девушек некогда взяли в плен на какой-то давно забытой войне, которую почти не упоминают в кадре, – если не считать военной формы, которую носят безжалостные слабоумные мерзавцы – и то они носили обычно только верх. Они также таскали с собой блестящие «Люгеры», из которых даже и

не собирались палить в своих Секс-Рабынь, когда те пытались сбежать и скрыться в джунглях: все равно их возвращали, безжалостно насиловали и пытали в свое удовольствие. Они выполняли тут роль лузеров, и никто не мог помочь им – даже добряк Холмс, который также насиловал их со всей безжалостностью.

Я привел тут эту дегенеративную ужасную историю, чтобы напомнить исторический контекст и заодно что-то рассказать о Свидетельнице. Будь Джейн в тот момент Свидетельницей Иеговы, у моей истории вполне мог бы оказаться и другой конец. Но нет, она была просто очередной удолбанной, перетраханной Порно Королевой старых добрых времен, из тех, что постоянно ищут, кому бы еще продемонстрировать свои таланты в области безвредного коммерческого секса. Я таких хорошо знаю и отношусь к ним по-доброму. Это те самые девчушки, подавшиеся в Голливуд в 17 лет, чтобы осуществить свою заветную мечту – стать кинозвездой.

Успеха удалось добиться очень немногим, а остальные свернули на боковую дорожку – в Секс-Бизнес, где всегда недостаток рабочих рук. «Моя дырка – это мой билет в жизнь, – признавалась мне однажды стриптизерша по имени Бэмби. – Мужчины хотят смотреть на нее, хотят смотреть, как я трахаюсь. Поэтому они мне платят; поэтому-то я и делаю то, что делаю».

Бэмби была очаровательной девчушкой из Сакраменто, из семьи среднего достатка, с элегантно стройным телом и патологически мрачным чувством юмора. Я симпатизировал ей и помог ей стать звездой в «О’Фаррелл», где она, как правило, получала не менее тысячи долларов за ночь. Мне всегда хотелось ее трахнуть, но я этого так и не сделал. В то время я был по уши влюблен в Марию, мою тогдашнюю подругу. Мария была настоящим сокровищем, как друг и любовница, а при желании могла поспорить по привлекательности с любой из местных знаменитостей.

В мои обязанности Ночного Менеджера входил близкий и непосредственный контакт с дюжинами призывно обнаженных женщин; и так каждую ночь – неудивительно, что я постоянно находился в возбужденном состоянии. Впрочем, при помощи Марии я вскоре научился чувствовать себя легко и комфортно среди соблазнов. А многие ли могут это выдержать: непрерывно находиться среди разгоряченных, прекрасных, однозначно доступных дам? Это напоминало Эдемский Сад, где сладкие яблоки свисают с каждой ветви, и у тебя есть власть вышвырнуть всех змиев, которые находятся Повсюду, и корчатся, и воркуют со страстью, граничащей с безумием.

Только настоящий фрик-романтик способен выдержать это невероятное искушение, и выпадали ночи, когда я едва не лишился этого почетного статуса.

– Да ты болван, парень, – говорил мне тогда Арти Митчелл. – Они все любят тебя и готовы трахаться, как зверушки. Никогда не видел, чтобы вот так вот отказывались от раззявленных, ко всему готовых дырок. Тошнит, право слово.

– Да ладно, – отвечал я ему, – ты просто осклизлый сутенер, ни фига не понимаешь. Херб Каэн вообще говорит, что у тебя сифилис.

– Что?! – вскричал он. – Да ты подонок, просто больной! А Херба Каэна я завалю в натуре, если он такое напишет. Херб Каэн вообще хер сосет!

Джин и Арти Митчелл были самой странной парочкой родных братьев, каких я только видел в жизни. Я любил их обоих, хотя нельзя не признать: от всего этого Секс-Бизнеса оба они сбрендили. Они наваривали миллионы на сексе, но так и не научились делать это аккуратно. Ни один из них не пытался добиться высокого общественного статуса, они только дрались, как волки, лишь бы сохранить в тайне свои деликатные делишки. Братья были крепко завязаны с разными сан-францисскими политиками и постоянно нуждались в верных советах компетентного специалиста.

В этом и состояла моя работа. Должность только называлась «Ночной Менеджер», в действительности же в мои обязанности входило оберегать Митчеллов от Тюрьмы, что давалось нелегко. Задворки городской политики представляли собой змеиное гнездо, где переплетались предательство, невероятная коррупция и такие извращения, что у лучших умов взятого наугад поколения волосы бы дыбом встали. Все политические силы исходят из разного рода дыр: дул ружей, женских влагалищ либо опиумных трубок, похоже, людям просто так нравится. Ведь легендарная слава Сан-Франциско такова, что ему поклоняются во всем мире, исключая, может, Кабул, Новый Орлеан и Бангкок.

* * *

Той холодной февральской ночью, когда Свидетельница постучалась в мой дом, на ней был синий деловой костюм, который ее чуть полнил, а также туфли на высоком каблуке, делавшие ее излишне высокой – мои гости, не вымахавшие выше шести футов, не были особо счастливы видеть ее рядом с собой. Ее голова казалась даже большей, чем моя, а тело выглядело слишком мускулистым – как у тех женщин-культуристок, любительниц СПИДа и летальных стероидов, которые слишком долго торчали в качалках дурных районов Голливуда. Одним словом, тип атлетки – «большой девочки». Она говорила со мной так доверительно, что я даже занервничал. Моя мама наверняка назвала бы ее «прилипчивой», но я вовсе не так вежлив. По мне, она выглядела натуральным слизняком. В ней чувствовалось что-то испорченное, что-то настолько грязное и лживое, что стоило бы вызвать полицейских, если бы я в самом деле воспринял ее всерьез.

Я не стал этого делать. Она ничего для меня тогда не значила. Кого мы только не принимали в этом доме: начиная от обычных головорезов и извращенцев до тупорылых воров с сердцами, полными ненависти, не говоря уже об американских сенаторах с шикарными шлюхами под ручку. Одни прилетали на личных вертолетах, другие приезжали на угнанных машинах, под завязку набитых наркотиками и оружием. Иногда мне казалось, что это слишком уж стремное сборище, но пришлось научиться мириться с ними, раз уж я профессиональный журналист и писатель, занимающийся скрытыми, потаенными сторонами жизни, которые могут быть «интересны» в китайском смысле этого слова, но вовсе не обязательно вызывают воодушевление.

В то же время не подумайте, что у меня тут притон, помесь зоопарка с отделением для буйных. Может, оно так и выглядит со стороны, но сам-то я считаю свою жизнь возвышенно-разумной, и большинство моих друзей согласны с этим. Разумный – очень опасное слово. Оно подразумевает некое

четкое деление, конкретную грань между Разумным и Безумным, которая понятна нам всем и воспринимается как данность.

Но на самом-то деле все совсем не так, нет. Единственная разница между Разумным и Безумным состоит в том, что у Разумного достаточно власти, чтобы запереть Безумное. Вот где вся разница. КЛАЦ! В тюрьму, немедленно. Ты – сумасшедший ублюдок, тебя давно уже надо было посадить. Ты – опасный выродок и дегенерат, а я богат, и я желаю, чтобы тебя теперь оп! – и кастрировали.

Ой-ей, я так и сказал? Да, именно так и сказал, однако мы не станем развивать эту тему, иначе придется серьезно задуматься над тем, как это: быть запертым в тесную клетку? В этой стране в XXI веке у нас и так достаточно поводов для беспокойства. У нас сибирская язва, оспа, перспектива превратиться в желе прямо внутри наших частных домов, когда невидимым бойцам придет в голову снова взорвать свои неведомые бомбы; есть у нас перспектива отравиться нервно-паралитическим газом, который могут добавить в водопровод, в конце концов, даже соседские ротвейлеры могут разорвать нас на куски безо всяких предупреждений. Все эти фокусы происходили недавно, и они вполне могут повториться.

Мы живем в опасные времена. Наше оружие мощнее год от года, мы тратим миллиарды долларов на строительство новых тюрем, и тем не менее над нашими жизнями владевает страх. Мы подобны пигмеям, заплутавшим в лабиринте. Войны нет, но у нас нервный срыв.

* * *

Да, так все и есть. Но довольно уже причитать. Мы, помимо прочего, чемпионы, так что вернемся снова к нашей истории. Мы говорили о Свидетельнице, большой и осклизлой женщине, которая вломила в мою жизнь, подобно морскому гаду, источающему яд, и едва не порушила ее.

В ту ночь у меня на кухне сидело еще два человека, плюс девчонка, которая то заходила, то опять уходила. Таким образом, в доме находилось пять человек, включая Свидетельницу. Она была счастлива оказаться здесь, по ее словам во всяком случае, поскольку ей не терпелось задать мне один вопрос.

– Не сейчас, – сказал я. – Баскетбол же смотрим, – добавил я более резко, тоном скорее раздраженного начальника, нежели гостеприимного хозяина. Обычно я не разговариваю с гостями в таком тоне, но эта женщина была определенно не из тех, кто обращает внимание на просьбы, высказанные тихо и вежливо. Я был не груб, но тверд. Так я поступаю всегда, когда подступает опасность никому не нужного кипежа. Всякие такие штучки тут не проходят. У нас есть определенные Правила: цивилизованные, в некотором роде даже благородные; и некоторые люди, в силу своей эксцентричности, могут найти их строгими. Так что частенько возникают трения, а иногда и более жесткие моменты, когда даже приходится кое-кого припугнуть, а это порой совсем нелишне. Страх – здоровый инстинкт, а вовсе не признак слабости. Это природный защитный механизм, свойственный кошачьим, волкам, гиенам и большинству людей. Даже летучим мышам знаком страх, и я приветствую их за это. Так что если вам кажется, что мы

живем в ужасном мире, попытайтесь представить себе, на что бы он стал похож, если бы дикие звери не испытывали страха.

Так эта женщина и вела себя, когда появилась в моем доме той примечательной февральской ночью. Гоголем расхаживала из комнаты в комнату, заставляя меня нервничать. Типичная беженка из секс-индустрии – теоретически будущая организаторша оргий VIP и незаконной трансплантации органов. Такой-то бизнес-план она и вознамерилась тут обсуждать, да только никто не собирался ее слушать.

– Заткнись, ты! – не выдержал тогда Симмс. – Не видишь, что ли, что мы смотрим долбаный баскетбол?

Она не обратила на него внимания и продолжала бормотать.

– Как тебе нравится заниматься сексом? – обратилась она ко мне. – Почему не расскажешь?

Я не Преступник по профессии, нет. Но за долгие годы жизни у меня развились и чисто криминальные инстинкты. Кто-то назовет это паранойей, но я прожил достаточно, чтобы уяснить – такой вещи, как паранойя, просто не существует. Только не в XXI веке, о нет. Паранойя – просто еще одно слово для обозначения невежества.

Паранойи не существует

Мухи могут сидеть на мне или на вас, но только не на Иисусе.
Хантер С. Томпсон

Странные желания и пугающие воспоминания

Отец имел обыкновение мрачно горбиться над радио, если в тот день передавали плохие новости. Известия о первом налете на Перл-Харбор мы слушали вместе. Я тогда не понял, в чем дело, но твердо знал, что стряслось что-то нехорошее – сгорбившись, отец просидел над радио, как паук в паутине, битых два или три дня.

– Разрази гром Божий мерзких япошек, – бурчал он время от времени.

Затем он отхлебывал виски и стучал по подлокотнику кушетки. Никто из нашей семьи не хотел находиться рядом с отцом, когда тот слушал новости о войне. Дело было не в виски, просто радио уже прочно ассоциировалось с гневом и страхом.

Я думал иначе. Слушать радио с потягивающим виски отцом представлялось мне самой насыщенной частью дня, и вскоре я по-настоящему пристрастился к этим моментам. Они не приносили какого-то особенного счастья, но всегда сильно будоражили. В них определенно присутствовала какая-то первобытная дикость, адреналиновый микс вины, загадки и неуловимая тайная радость, природу которой я и сейчас затруднился бы объяснить; но уже в нежном возрасте четырех лет я отличал эту особую вибрацию, которую я мог разделить только с моим отцом.

Это не повод для долгого рассусоливания, не повод для мрачных признаний. Ничего подобного. Мне до сих пор приятно вспоминать, как мы сидели вместе у радио, с нашим виски, нашей войной и страхом, что злые япошки того гляди доберутся и до нас...

Страх – мой друг, но не без оговорок. Так, к Страху нельзя поворачиваться спиной. Он должен всегда находиться перед вами, как нечто, что вы собираетесь прикончить. Этому меня научил отец наряду с некоторыми другими вещами, которые сделали мою жизнь более интересной. Вспоминая его, я думаю о неуправляемых лошадях, жестоких японцах и лживых агентах ФБР.

– Никакой паранойи не существует, – сказал он мне однажды. – Даже самые худшие твои страхи однажды реализуются, если ты будешь гоняться за ними достаточно долго. Будь начеку, сынок. В глубине темноты скрываются Проблемы, сомнений в этом нет. Дикие звери и жестокие люди, и некоторые из них схватят тебя за шею и постараются заставить тебя склонить голову, если только ты не будешь начеку.

Возможно, многовато мудрости для 10-летнего мальчика, однако жизнь подтвердила: слова отца были чистой правдой, сказанной в нужный момент. В жизни мне случалось встречать в очень и очень мутные ситуации в этой самой тьме, и я мог бы вывалить тут целую охапку историй про таких отъявленных тварей, которых 10-летний мальчик и вообразить-то не способен в своем самом страшном кошмаре. Даже 20- и 30-летние мальчики тоже не факт, что способны. Это даже лежит за пределами воображения девочки-подростка из Денвера, которую уволокла из семьи стая бешеных волков. С этим ничто не сравнится. Ужас момента подобен тому, как тебя несет в потоке горячего дерьма в канализационной трубе.

* * *

Эту историю я написал для журнала «Atheneum Literary Association». Также я попытался пропихнуть ее в «The Spectator», когда Портер Бибб работал там редактором – да, он сбрендивший болван, но что с того? Мы ведь любили друг друга, и к тому же я числился там арт-директором.

Мы издавали вполне качественный журнал, печатали все, что считали нужным, и оба обладали правом вето – опасный расклад, что и говорить.

Особенно опасным оказался он для этой истории. Ее так и не опубликовали вплоть до нынешнего момента. Да пребудет с вами Господь, свињи, что можете прочесть ее.

РЕСПЕКТАБЕЛЬНАЯ ДОМОХОЗЯЙКА ПРИЗНАНА ВИНОВОЙ В РАСТЛЕНИИ ДЕТЕЙ; КРОВАВЫЕ ПОДРОБНОСТИ ШОКИРОВАЛИ ВЕСЬ БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ПРИГОРОД ИСТ-ЭНДА.

Мне никогда не хватало свободного времени, чтобы как следует поразмыслить о любви в XXI веке, о ее природе и свойствах; но это не означает, что этот вопрос меня вовсе не волнует. Напротив, мысли на эту тему вертятся у меня в голове непрерывно, подобно обломкам кораблекрушения. Все-таки я дитя Американского Века и на генетическом уровне чувствую необходимость разобраться в сути вопроса, выяснить, отчего это он так мне небезразличен.

Позвольте привести один пример: как-то летом, когда мне шел 15-й год, жена одного друга нашей семьи изранила мне все лицо, выдрав при этом несколько кровавых лоскутов кожи и мяса. Раны оказались глубокими, так что кожа уже не регенерировала – как и предупреждали врачи, шрамы остались на всю жизнь. Заживали же раны наилучшим образом. Мне посчастливилось попасть к Лучшим Специалистам на девять окрестных штатов, от Балтимора до Сент-Луиса, с Чикаго на севере и Карибским островом Гренада тремя тысячами миль южнее. И все-таки я не оправился полностью от того инцидента, равно как так никогда и не понял, что же послужило его причиной. Женщина, которая напала на меня, отказалась обсуждать это – во всяком случае, со мной, – и, насколько мне известно, с другими она своими грязными секретами также не делилась.

Тогда разразился невероятный скандал, на долгие годы ставший предметом толков в нашем тихом пригороде. О нем говорили повсюду в Ист-Энде Луисвилля, от самых богатых районов до самых бедных, и только местные газеты хранили гробовое молчание. Это только подогревало ажиотаж – выходило, речь шла о воистину неопишуемых вещах. Мутный поток сплетен и домыслов был Недопустимым и Нестерпимым одновременно.

Хо-хо. Эй, очнитесь, желторотые птенчики! У меня имеются собственные определения слов «Недопустимый» и «Нестерпимый». Я хорошо помню ее упругую грудь и привычку никогда не носить трусов. Помню, как она пахла и как смеялась, когда я облизывал ее соски. Она использовала меня, как прыщавую секс-игрушку, я же считал ее любовью всей своей жизни. Я насыщал ее неутомимый рот и молился в святилище ее ненасытной пизды. С чего ей взбрело в голову вцепиться мне зубами в лицо, я так и не понял. Возможно, на то была воля Бога, а может, наущение какого-то гнусного Дьявола.

Изнасилование в парке Чероки

Сам я с теплым чувством вспоминаю свои юношеские годы, однако не стал бы рекомендовать другим следовать моему примеру. Мне-то удалось все это пережить. Как-никак все старшие классы меня лично преследовал жестокий и полубезумный извращенец-полицейский, напроочь отравивший мне всю общественную жизнь в те годы и в самом деле засадивший меня в тюрьму на выпускном вечере.

С тех пор как мистер Дотсон появился в моей жизни, я был заклеен как преступник. Это был настоящий официозный выродец, с полным набором скрытых – и явных – маний и комплексов; и именно он доканывал меня все старшие классы напролет. На редкость отвратная ситуация – неудивительно, что я настроился против существующей системы задолго до того, как впервые попробовал марихуану. Этот человек находился не в своем уме, а такие типы, раз ощутив свою власть, уже никогда не перестают ею пользоваться.

Кстати, никакого преступления я в действительности не совершал. Мы просто собирались стрельнуть сигарет.

Сигареты кончились, когда мы ехали на машине по парку Чероки. Я лежал, засыпая, на заднем сиденье и, помню, все думал: «Сигареты. Сигареты. Сигареты».

Макс и Эрик (в общем, так я и буду их звать) сидели спереди. Эрик вел, и, думается, это Макс сказал: «Давай спросим, может, у кого в парке есть?»

Я и сам мог бы догадаться – ну конечно, в парке полно обжимающихся парочек, просто люди гуляют – отчего бы не стрельнуть сигарету? В любом случае эта идея пришла в голову Максиму.

Мы приехали к уголку, где уже припарковалось несколько машин с парочками, чем, возможно, доставили им некоторое неудобство. Макс остановился возле одной, в которой сидели двое парней и две девчонки. Он открыл окно и попросил сигарет. Парень за рулем сказал, что сигарет у них нет.

Наверняка он говорил правду, хотя кто его знает. Их машина стояла в семи футах от нас, а Макс был здоровенным лбом с явной склонностью к насилию. Следующее, что я помню, это его вопль:

– Эй, козел! Гони сигареты, или пиздец тебе пришел!

С этими словами он вылез из машины и добавил:

– Ща я тя оттуда вытащу, отмудохаю, а баб ваших трахнем потом.

Так все и произошло.

Эрик сидел за рулем, так что мне пришлось вылезти с заднего сиденья, схватить Макса и потянуть его обратно, приговаривая: «Да на хрен эти сигареты», – имея в виду, конечно, «на хрен нам эти драки». Я затащил его обратно в машину, и мы уехали. Этим бы все и закончилось, если бы те ребята не записали наш номер и не сообщили куда следует. Ну а теперь – вы же знаете копов – Попытка Изнасилования.

Бог, может, простит тебя, но я – никогда

Инспектор, занимавшийся условно освобожденными и в том числе мной, с самого начала знал, что дело против нас затеяли лажовое. Он рассказал это моей матери как-то поздно вечером, когда она уже работала главным библиотекарем Публичной Библиотеки Луисвилля и расставляла мои книги у себя на полках. Мой успех стал для нее радостным сюрпризом, однако она опасалась, что на моего старинного врага, мистера Дотсона, это произведет совершенно обратный эффект. Он часто заходил к нам домой выпить кофе и каждый раз умолял мать простить его за те неприятности, которые он ей причинил.

Она простила его через некоторое время, но я – нет. Так бы и плюнул на его могилу. Последнее из многочисленных писем, что я получил от него, было снабжено маркой со штемпелем государственной тюрьмы Кентукки, что в Эддивилле. Мне и в голову не пришло вскрыть и прочитать его, чтобы выяснить, охранником он там служил или все-таки был заключенным. В то время я учил уже совсем другие уроки. Мое знакомство с Карательной Машиной Государства шло на все ускоряющихся оборотах.

Помню, как занимавшийся малолетками судья Джалл промолвил:

– Ну что же, Хантер. Ты превратил последние четыре года моей жизни в сущий кошмар. Ты издевался над судом все это время. И вот теперь ты собираешься уехать от меня. Стало быть, это мой последний шанс. Итак, я приговариваю тебя к шестидесяти дням тюрьмы.

Это был их последний удар.

И все-таки имел место совершенно возмутительный случай. Я потом подружился с нашими «жертвами», и они придерживались в точности того же мнения. Однако мистер Дотсон и судья Джалл не собирались отпускать меня просто так, даже невзирая на широкую волну поддержки за моей спиной. И все-таки я никогда не оказался бы за решеткой, если бы в те годы в Кентукки несовершеннолетних отпускали под залог.

Так что я отсидел тридцать дней в тюрьме только потому, что через месяц после ареста мне исполнилось 18. Дальше они держать меня не могли – я освободился под залог. Они не пытались меня удержать – и так уже натешились. Последний выстрел. Не стоит сбрасывать со счетов группу авторитетных и значительных граждан нашего городка, добивавшуюся моего освобождения. За время нахождения в тюрьме я превратился в местного героя – там меня решили звать «Президентом», а в мой день рождения окрестили «Сокрушителем Болванов», так прямо и сказали: «Поздравляем, Сокрушитель Болванов», – и долгое время я оставался в этом качестве.

* * *

Множество диких и безумных лет минуло с того первого и единственного раза, когда мне довелось побыть сертифицированной Жертвой Карательной Системы. За те тридцать дней в тюрьме я понял одну важную вещь – никогда больше я не должен туда попасть. Какой бы ни был срок. В этом нет Необходимости. Сокамерники называли меня «Президентом», как и одноклассники, а прекрасные юные девушки приходили навещать меня в четверг после обеда, однако меня вовсе не распирало от гордости по этому поводу.

Покойный Пабло Эскобар, бывший лидер влиятельного Медельинского колумбийского кокаинового картеля, как-то молвил, что «разница между обыкновенным преступником и благородным разбойником в том, что у благородного разбойника есть последователи». Известно же, что он делился своими немислимыми доходами с нищими рабочими своего города. Он был свой парень, друг всех обиженных. Все его преступление состояло в том, что продукт, служивший предметом его бизнеса, казался опасной угрозой Полицейской и Военной верхушке США, а также нескольким другим странам, известным как рабы и холуи экономических интересов Соединенных Штатов.

Выйдя из тюрьмы, остаток лета я проработал у Элмонда Кука, торговавшего в нашем городе «шевроле». Никаких определенных планов на осень я не строил – в Англию, может, двинуть? Меньше всего хотелось затевать какую-нибудь стандартную рутину. Мистер Кук был батюшкой одной из моих давних подруг, и он поставил меня водителем новенького грузовика «шевроле», на котором я рассекал по всему городу. Отличная работа, надо сказать: ничего не делаешь, только колесишь весь день по городу, развозя товар; нечто вроде велосипедных курьеров в Нью-Йорке, только вместо велосипеда у тебя здоровенный, новехонький охуительный грузовик V-8.

Я прямо влюбился в свою машину. Все равно как на ракете летал. Все шло по накатанной, но вот однажды... произошла изрядная заморочка. Как-то воскресным утром – стоял ясный, солнечный день – я ехал по аллее позади рынка автозапчастей, что работал на выходные на Второй Улице. Я проезжал тут уже сто раз и не сомневался, что научился проскакивать это огненное кольцо без всякого ущерба для себя – на скорости шестьдесят – семьдесят миль в час.

Помню, в тот день стояла ясная погода. Каждый кирпичик на здании четко прорисовывался, как вдруг передо мной появился грузовик тонны на полторы, типа тех, что использует фирма «Ryder», только голубого (или зеленого?) цвета. Его задний откидной борт, болтавшийся на железных цепях, отставал на несколько сантиметров. Приладь водила его на место, я бы точно проехал. Потом, вместо того чтобы стоять параллельно тротуару, машина была припаркована под небольшим углом, и, помню, тогда я подумал: «*Черт. Ладно, я смогу проехать*». Но я чувствовал, что места в обрез.

Я вдавил педаль газа в пол и помчался по улице на скорости примерно шестьдесят миль в час – так, что даже не почувствовал удара. Скорее громкий щелчок.

Я сразу же понял, что произошло, и остановился. Если бы мне оставили хоть сантиметр, я бы проехал. Ну, пару сантиметров... Но именно их и не хватило: отстающий бортик снес мне всю бочину. Хромированная полоса на моем грузовике шла через весь борт от самых передних фар, и теперь прямо над ней по всей длине красовался темный рубец. Я смотрел на него и думал: «Ну и что стряслось? Вроде ничего страшного». Больше я ничего не разбил. Никто не пострадал. Я посмотрел на темный рубец еще раз и только тут понял, что этот долбаный бортик пропорол мой грузовик по всей длине, как консервный нож банку сардин: разрез шириной в шесть сантиметров, с идеально ровными краями. Теперь оставалось сделать такой же на другом борту, и люди бы точно думали, что грузовики «шевроле» только так и выглядят.

* * *

Я подумал: вот фигня-то! Но никто ничего не заметил. Ни шума, ни аварии. Подумаешь, царапина. Ну, урок жизни. Царапина казалась такой ровной, что на какое-то время свято поверил, что все сойдет мне с рук. Однако в глубине души я знал, что дело обстоит много хуже.

Я зашел в забегаловку через дорогу, взял кофе и пиво, сел и задумался. Ну и что мне теперь делать?.. Сказать кому-нибудь? Свой грузовик я припарковал подальше, ободранной стороной к забору, так что имелось время поразмыслить над ситуацией.

В конторе я подозвал менеджера по запчастям.

– Хэнк, пойдись сюда. Покажу кое-что.

Хэнк был моим хорошим другом, помимо прочего. Мы вышли на палящее полуденное солнце, и я добавил:

– Ты только не волнуйся. Покажу тебе одну вещь, не знаю сам, что с ней делать, – мне нужен твой совет.

Мы обошли грузовик со стороны забора. Хэнк вроде как ничего и не заметил.

– Ну и что теперь делать? – спросил я.

И он ответил:

– Надо сказать мистеру Куку.

Что ж, так оно по совести, подумал я. Как раз подходило время ленча. Хэнк позвонил и попросил мистера Кука, но того не оказалось на месте, слава тебе Господи, таким образом, мне выпадал еще час или около того. У меня прямо крыша ехала по поводу этого грузовика. Что-то должно было обязательно произойти.

Мы стояли как раз напротив главного почтамта Луисвилля, и я подумал – ага, вот оно! Только бы вербовочный пункт еще не закрылся! Всего-то и надо, что зайти и записаться добровольцем в армию, как многие мои приятели давно уже сделали. Но оказалось, что записаться-то можно, но потом придется еще ждать шесть месяцев. Проклятие, время уходит, ничего не остается, кроме как ровно в 13:10 предстать перед Элмондом Куком.

Тогда я рванулся к соседней двери, за которой находился офис ВВС. Так получилось, что он располагался прямо здесь. Я заполнил тест, предлагаемый будущим пилотам. Результат составлял 97 %. На самом деле я вовсе не собирался туда идти, но сказал, что мечтаю управлять реактивными самолетами; и мне ответили, что это вполне реально с таким-то результатом теста. И я спросил:

– И когда же... когда ехать?

Сидевший за столом офицер произнес:

– Очень хорошо. Обычно процедура занимает несколько дней, но ты можешь трогаться в путь уже в понедельник утром.

Трогаться предлагалось в летную школу, расположенную на военно-воздушной базе Локлэнд, что в Сан-Антонио, Техас.

Помню, тогда я подумал: «Ну вот оно. Вырвался».

Вернувшись, я извинился перед Элмондом Куком, прилюдно признавшись, что оказался не в состоянии водить грузовик.

* * *

И где только мой старый друг Пол Хорнунг, где он теперь, когда он так нам нужен? Пол был лучшим квотербеком своего времени: он входил в число лучших игроков в американский футбол штата в школе «Флагетт» в Луисвилле, в число лучших игроков Америки, когда выступал за «Нотр-Дам», в число лучших профессиональных футболистов, когда играл в «Грин Бэй Пэкерс». Он был здоровенным, привлекательным парнем из Вест-Энда Луисвилля, известной родины спортивных талантов. Так, именно тут вырос задиристый юный боксер с удивительно быстрыми руками по имени Кассиус Клей, который стал даже еще более знаменитым, чем Хорнунг.

Это он, мой старый друг Мохаммед Али, Чемпион Мира в Тяжелом Весе. Как-то раз он и меня отколошматил, без особых на то причин. Домой меня тогда подвозил Пол Хорнунг, просто потому, что тащить мое тело, кроме него, было некому. Да, сэр, такие вот ребята топтали эту землю в свое время.

Отпускали они шуточки и похлеще, время от времени. Они были...

Ох, мать вашу, что-то мне совсем хреново стало.

– Убери от меня свои грабли, Харольд! Что это на тебя нашло? Ну ладно. Ты – начальник. Делай все, что угодно, но только не трогай моих животных! Это единственное, о чем я прошу. Да, о да! Ради Христа, *не прикасайся* к ним. Они – божьи создания, совсем как ты и я. О Боже, какая боль повсюду...

– Нагнись хорошенько, сладкий ты мой, – сказал он. – Я собираюсь запустить этого Угря тебе в задницу, так что лучше расслабься.

Хо-хо, фига же себе! Да, мы в самом деле не шутили, когда собирались запускать морских угрей в отверстия человеческого тела. А ведь некоторые из них достигают трех метров в длину! Все делалось помимо их воли, так что можно расценить происходящее как своего рода изнасилование.

Ууух! Ребята, как насчет небольшого перерыва? Как насчет Музыка? Отлично. На ней стоим, так что послушайте немного про Музыка.

Я – непризнанный Музыкант, который так крепко застрял в этом проклятом писательском ремесле, что уже никогда не вернется обратно – хотя, кто знает, может, однажды я окажусь на удивление в одиночестве, в потайной комнате, корпящим над пишущей машинкой и пытающимся сочинить песню. Отчего, кто знает? Может, просто спеть, чего захотелось, – так что жму на клавиши.

Эти быстрые электрические клавиши – мой Инструмент, моя губная гармошка, мой студийный микрофон RCA, мой прекрасный сопрано-саксофон, в конце-то концов. Это – моя музыка, и хорошо это или плохо, но иногда, ночами, она заставляет меня чувствовать себя богом. *Veni, Vidi, Vici*... Вот где начинается веселье... Да, Кеннет, это и *есть* твоя частота. Здесь живут снежные леопарды.

«Гении по всему миру держатся друг друга, и как только добиваются признания один, за ним уже подтягивается вся орава...»

Так однажды сказал Герман Мелвилл, и мне сразу пришло в голову, что это чистая правда. Однако я и не догадывался, на что это похоже по *ощущениям*, пока не испытал нечто подобное на собственной шкуре, и мне это всегда придавало наглости...

Так что можно смело сказать, что некоторые из моих работ (а то и *все* подряд) появились на свет именно из-за той фрустрации, что мне не удалось стать музыкантом. Мои неотъемлемые музыкальные инстинкты всеподавляющим образом сублимировались в прозе, неотступно преследуя меня, что легко объясняет некоторые особенности моего стиля.

Новые Тупые

*Что-то тут творится,
Но не поймешь, что именно,
Может, знает мистер Джонс?*
Боб Дилан

Нет, сэр, даже и не думайте об этом. Мистер Джонс даже и не претендует на понимание происходящего прямо сейчас в Америке. Не претендуют и другие.

Мы повидали Странные Времена на своем веку, но то, что началось в этой стране после 2000 года, можно назвать только *супер*странным. Вот уже и на самолетах никто не летает... Мы теперь живем в опасно-странные времена. Умным людям только и остается, что пожать плечами и признать, что они ни хрена не понимают.

Единственные, кто сохраняет уверенность и спокойствие, – это Новые Тупые. Это начало конца того мира, к которому мы привыкли. Обреченность – вот наш действующий моральный кодекс.

* * *

Осенние месяцы в Америке никогда не кажутся скучными. Начало Работы, начало Учебы, начало Футбольного Чемпионата... Осень – время Традиций и могущественных устоявшихся Ритуалов, время страннейших праздников – Хеллоин с его Сатанизмом, зловещий Праздник Урожая, который самым пагубным образом отражается на мозгах некоторых людей.

Осень – время Страха, Жадности и Накоплений на грядущую зиму. Из стариков выколачивают долги, у больных и беспомощных отбирают последнее. Сборщики долгов хотят хорошенько подготовиться к ужасам января и февраля. Именно в это время, в самые футбольные месяцы, особенно активно похищают маленьких детей и школьников. Малютки обоих полов традиционно умыкаются прямо с улиц организованными бандами Извращен-

цев, которые затем согласно обычаю дарят детей друг другу на Рождество в качестве персональных Секс-Рабов и предметов для развлечения.

Большинство таких вещей – Омерзительны, Неправедны, Злобны, но по крайней мере Традиционны. Они произойдут в любом случае. Твое лобовое стекло обязательно заледенеет, глушитель взорвется, а в пробке вас протаранит незастрахованный водитель на ворованной машине.

Но какого черта? Как раз оттого-то мы и покупаем Страховку, правильно? Как раз Неизбежность этих кошмаров делает их такими домашними и привычными. Жизнь продолжится, хорошо это или плохо. Конструкция может чуть Покоситься, но фундамент, основание – останется Прочным и Непоколемым.

Ну-ну. А теперь подумайте еще раз. Оглянитесь вокруг. Разъедающее ощущение Паники повисло в воздухе, и за ним тихо следуют Страх и Неопределенность, которые появляются всякий раз, как только старые установки и точные Инструкции вдруг оказываются пустым звуком... Вот грядут президентские выборы, но только нет никакого Президента. Избрали новый Конгресс, как водится, но только это уже не Конгресс, во всяком случае, не тот Конгресс, к которому мы привыкли; и что бы с этим Конгрессом ни случилось, все будет беспомощным и жалким, как и тот, кто будет избран «Новым Президентом».

Если рассматривать мир как спортивную арену, то можно сказать, что идет игра за Суперкубок, дополнительное время назначают 19-й раз, но счет по-прежнему Не Открыт. Или, другими словами, четверо ведущих звезд L.A. Lakers убиты в разных местах и при разных обстоятельствах, но в один и тот же день. Страх и Отвращение гарантированы. Оставьте всякую надежду. Приготовьтесь к Странностям. Познакомьтесь с Каннибализмом поближе.

Всего хорошего,

Док.

19 ноября 2000 года

Во чреве зверя

– Не то чтобы мне прямо свербит выложить тут все, что я думаю об индивидуализме, но все-таки мне уже ясно, что остаток жизни я проведу, выражая свою позицию на этот счет, тем способом или иным, и я думаю, что клавиши пишущей машинки подойдут мне больше, чем внезапные вспышки насилия из-за всяких там фрустраций. Я не говорю, что на этой странице полностью изложено мое жизненное кредо, но тут я впервые, кажется, в жизни говорю о человеке в своем понимании, как о независимой, самоопределяющейся единице. Конечно, тут имеется в виду не независимость в обычном смысле этого слова, а та спонтанность действия и свобода мысли, которых достигают лишь немногие смельчаки.

Из письма Джо Беллу, 24 октября 1957 год. База ВВС «Эглин», Форт Уолтон Бич, Флорида.

Салли любила футболистов

Я уже прошел половину курса обучения в Военно-Воздушных Силах, когда стал свидетелем первой авиакатастрофы. Это случилось во Флориде, на базе «Эглин», во время приготовлений к ежегодной официальной «Демонстрации *Огневой Мощи*». Там присутствовал Артур Годфри, и, насколько я припоминаю, ему там сделалось малость Нехорошо. Больше он уже никогда не писал о доблестных ВВС.

Помогите! Вдруг нахлынули воспоминания о лучшем фотографе, с которым я работал, о том, как он отправился снимать некогда знаменитую 24-часовую гонку на Гран-При «Формулы-1» в Себринге и никогда уже больше не вернулся на работу. Его звали Джордж Томпсон, очень одаренный был парень. Когда он уже пробирался к выходу, его вместе с камерой расплющило гоночным автомобилем, как гамбургер. О Боже! Той ночью мне пришлось писать Некролог для Спортивного Раздела... Это случилось через две недели после той ужасной катастрофы на «Демонстрации *Огневой Мощи*». Меня эта история тогда здорово подкосила. Едва с катушек не съехал – два месяца пил беспробудно, находясь в самовольной отлучке, мотаясь между Толлахэсси, Мобайлом и Новым Орлеаном. Я растерял форму и из бравого летчика превратился в готового кадра для пребывания в психушке почти со Скоростью *Света*.

Грустная история, правда? Но тогда я был Молод. Все удары отлетали от меня, как каучуковый мяч. Девушки дарили мне свою любовь, а «квирьы» в Новом Орлеане подогревали амфетаминами. В своей спортивной машине MG/A, что носилась подобно молнии, я отвозил офицерских жен на пляж в Дестин, и там мы купались голышом. Прекрасная дочь полковника Хьюго предоставила мне свой шикарный особнячок в Мобайле на те две недели, когда военная полиция разыскивала меня повсюду. Во дворе у нее располагался бассейн в форме футбольного мяча, и соседи донесли на нас, что мы бегаем вокруг него голыми и занимаемся любовью на трамплине для прыжков в воду, словно морские котики... Салли любила футболистов. Ей казалось, что она навечно останется Молодой, высасывая сок Вечной Жизни из юных и крепких тел. Она называла его «Райским молоком» и каждую ночь мазала указанным молоком лицо.

Салли исполнилось двадцать пять, и она выглядела как одна из тех стройных бразильянок, что играют в волейбол на пляже воскресным утром. Ее отец служил полковником на базе ВВС, а мать была Южанкой-Дебютанткой. Ее маленький сын смеялся, как сума-

сшедший, всякий раз, когда я хватал его за икры и раскручивал, словно пращу... Уже не вспомню, как его звали, но он меня очень любил и думал, что меня зовут Бравый Летчик. Его мамаша таскала меня тем временем на вечера в модных барах и яхт-клубах в Мобайле. Она водила небесно-голубой «кадиллак», любила раздеться догола и нестись на дикой скорости по шоссе Пенсакола – на своей машине или на моей. Ее машина оказалась слишком большой и тяжелой, чтобы ездить на ней на пляж и парковаться среди песчаных дюн. Ночами мы плавали в Мексиканском Заливе, при свете полной Луны.

Днем Салли работала где-то в деловой части Мобайла, но она всегда могла отпроситься, если я приезжал. Обычно она говорила, что повредила спину, когда «прыгала в воду с трамплина», и теперь из-за боли она с трудом может передвигаться. Когда я приезжал, ее работа задвигалась на 5–6 дней, но она никогда не переживала по этому поводу. Она говорила, что несколько дней без нее там прекрасно обойдутся, и к тому же на работе все знали, что у нее проблемы со спиной. Тем более что проблемы и впрямь случались, хотя и довольно специфического толка.

Во всем виновато дурацкое шершавое покрытие трамплина в ее бассейне. Он расцарапал ей всю спину, когда как-то раз, напившись в хлам, мы занимались любовью на этой доске два или три часа кряду. Наутро, уже в цивильной постели, мы обнаружили, что все простыни в крови, а Салли просто рыдала от боли. Я и сам еле мог ходить от боли в расцарапанных локтях и коленях. Ссадины на моих коленях продолжали кровоточить весь остаток того лета, и когда я наконец появился на работе, это создало своего рода проблемы. Если простые редактора просто посмеивались, глядя на меня, то мой непосредственный начальник, полковник Ивэнс, серьезный Вояка, никак не мог потерпеть в своем офисе хромящего человека, у которого сквозь брюки на коленях проступает кровь.

– Черт побери, Хантер! – заорал он тогда. – Что за Дерьмо с тобой приключилось? Весь пол в сортире залит кровью. Я пошел поссать, поскользнулся и *едва не упал!*

Я сказал ему, что ободрался, когда играл в футбол на выходные. Типа, футбольное поле базы в таком состоянии, что я упал несколько раз, когда бежал, уворачиваясь от шибок, ожидая паса от Зека Братковски или Макса МакГи.

– О мой Бог! – вопил он. – Ты, черт возьми, идиот, что ли, полный?! Какого ляда пытаться играть в *футбол* в это время года? У тебя, поди, *Дерьмо* вместо мозгов?.. Сейчас сезон чертова *бейсбола*... Или ты настолько глуп, что не в курсе? Ты же просто какой-то МУДОТАВР!

– Нет, – ответил я. – Я всего лишь *Спортивный Редактор*.

И это было чистой правдой. Полковник бесился, но сделать ничего не мог. «Орлы Эглина» выиграли в прошлом году чемпионат среди военных команд, и мы собирались вернуть этот номер и в нынешнем году тоже. С футболом на базе ВВС «Эглин» считались, да еще как. Наша футбольная команда была многолетней кузницей талантов, и ее знали во всем мире – по крайней мере везде, где располагались американские военные базы, а это, почитай, весь мир и есть.

Играть за «Эглин» – примерно то же самое, что играть за «Грин Бэй Пэкерс», и над военными футболистами у нас тряслись ничуть не меньше. В те годы прохождение военной кафедры – так называемой ROTC (Службы Подготовки Офицеров Резерва) – являлось обязательным для всех студентов-спортсменов в университетах, существующих на деньги налогоплательщиков, даже для звезд американского футбола, входивших в число самых лучших игроков всей страны и игравших за сильные команды Университетов Алабамы или Огайо. После прохождения военной кафедры студенты-спортсмены должны были отслужить по меньшей мере два (2) года в Вооруженных Силах США. Им не оставляли Выбора – если только они не признавались Негодными к Строевой по Моральным или Медицинским причинам. Но так как это означало клеймо на всю жизнь, которое здорово вредило карьере, то

большинство из них соглашались оттрубить два года «в форме», а затем обретали себя в Реальном Мире.

Paris Review № 156

Джордж Плимптон: *Когда я читал вашу «Автостраду Гордости», мне показалось, что вы всегда хотели стать писателем.*

Хантер С. Томпсон: Ну, хотеть и быть – это две разные вещи. Первоначально я не думал о писательстве как о решении моих проблем. Но увлекаться литературой я начал еще в школе. Вместо школьных занятий мы сидели в кафе на Бардстаун Роуд, пили пиво, читали и обсуждали притчу Платона о пещере. У нас в городе имелось литературное общество, «Атенеум»; мы встречались в субботу вечером, все в рубашках и галстуках. Я не был примерным членом общества – с выпускного вечера меня уpekли прямиком в тюрьму, но я уже в 15 лет понял, что совершенно необходимо отыскать такую вещь, которую ты делаешь лучше остальных, просто чтобы жить дальше. Во всяком случае, у меня дела обстояли именно так. Такую вещь я нашел довольно скоро. Это оказался писательский труд. Вот он, мой золотой ключик. Куда легче, чем алгебра. Я мог писать в любой момент, и это мне всегда нравилось. Видеть свои работы напечатанными – особенный кайф для меня, и с годами он не притушился.

Когда я попал в ВВС, писательство уберегло меня от массы неприятностей. Сначала я записался на курсы пилотов на базе ВВС «Эглин», что недалеко от Пенсаколы, на северо-западе Флориды. Но оттуда я перевелся на отделение электроники... дополнительный, сверхинтенсивный восьмимесячный курс для самых умных парней. Учиться мне нравилось, но не очень-то хотелось потом оказаться где-нибудь на одной из станций DEW – станций «Дальнего Радиолокационного Обнаружения» – где-нибудь за Полярным Кругом. К тому же я побаиваюсь электричества. Так что однажды я зашел в кабинет базового образования и записался на ряд курсов в Государственном Университете Флориды. Мы занимались с одним парнем по имени Эд, и как-то раз я спросил его, не надо ли чего-нибудь куда-нибудь написать. Он спросил, не разбираюсь ли я, часом, в спорте, на что я ответил, что в школе был редактором газеты. Он сказал тогда: «Ну что же, нам, кажется, повезло». Потом выяснилось, что сержант, редактировавший спортивный раздел «Command Courier», нашей местной газеты, недавно загремел в тюрьму в Пенсаколе – за то, что, нажравшись в дрова, прилюдно мочился на угол дома. Так как это случилось уже в третий раз, с рук ему это не сошло.

Я отправился в библиотеку базы и взял там три книги по журналистике. Читал их до самого закрытия. Я выяснил все, что требовалось, о заголовках и врезках – кто, когда, где, чего, ну и так далее. Заснуть в ту ночь мне едва ли удалось. Это же мой шанс, возможность вырваться из этого долбаного места. Так я стал редактором. Я писал длинные статьи в духе Грантленда Райса. На спортивной странице «Louisville Courier Journal», выходящего в моем родном городе, в левой части располагалась ежедневная колонка – у себя я завел такую же.

На вторую неделю все завертелось, как положено. Я мог работать по ночам. Я носил гражданскую одежду, работал за пределами базы, без всякой обязательности – хотя работать все равно приходилось круглые сутки. Писал не только для газеты, выходящей на базе, но и для местной прессы, «The Playground News». Что не шло в газету базы – запросто печаталось в местном издании. Все это дерьмо по-настоящему возбуждало. Писал что-то для профессионального издания борцов. Начальство ВВС изрядно разъярилось по этому поводу. Я всегда находил способ грубо нарушить правила. Я написал критическую заметку о том, как Артур Годфри, которого приглашали на нашу ежегодную демонстрацию огневой мощи в качестве

ведущего, попался на отстреле редких животных Аляски. Командир базы сказал мне тогда: «Дьявол тебя раздери, сынок, ты чего это вздумал писать об Артуре Годфри в таком тоне?»

Покинув ВВС, я твердо знал, что смогу заработать на хлеб журналистикой. Для начала я попросился на работу в «Sports Illustrated». Принес свои газетные вырезки, журнальные публикации и военный билет, на который возлагались особые надежды. Кадровик только посмеялся. Я сказал: «Постойте, но я работал спортивным редактором в двух газетах!» Он сказал мне, что важна вовсе не работа, а название твоей конторы. Он сказал: «Наши авторы – сплошь обладатели Пулитцеровской премии из «The New-York Times». Слишком жирно тебе будет для начала, парень».

Дж. П.: *В конце концов вы оказались в Сан-Франциско. А с публикацией «Ангелов Ада» в 1967 году ваша жизнь круто изменилась, получив резкий толчок вверх.*

ХСТ: Совершенно внезапно я оказался автором опубликованной книги. Мне тогда было двадцать девять лет, в Сан-Франциско мне не удавалось подработать даже водителем такси, о писательстве речь не шла. Конечно, я написал несколько заметных статей в «The Nation» и «The Observer», но тогда лишь несколько хороших журналистов заметили мою фамилию. Книга позволила мне купить новехонький мотоцикл BSA G50 «Молния» – это с лихвой оправдало все прежние труды. Если бы не подвернулся случай написать «Ангелов Ада», я никогда не написал бы ни «Страха и отвращения в Лас-Вегасе», ни других моих книг. Заработать на жизнь в качестве внештатного автора в этой стране чертовски сложно, очень немногим это удается. «Ангелы Ада» вдруг показали мне, что, Господи Боже, кажется, я могу стать одним из них. Я знал, чего стою в качестве журналиста. Знал, что я – хороший писатель. И все-таки проскочил в закрывающуюся дверь, и никак иначе.

Дж. П.: *В Сан-Франциско в то время творились и в самом деле странные вещи – между собой сходились совершенно разные и, казалось, нестыкуемые люди. Как, например, вы смогли тогда подружиться с Алленом Гинзбергом?*

ХСТ: С Алленом я познакомился у одного дилера, продававшего траву небольшими порциями. Помню, когда я только начал захаживать на эту квартиру, трава стоила 10 баксов, довольно скоро цена взлетела до 15. Я захаживал туда все чаще и чаще, и Гинзберг тоже постоянно мутил там ганджу. Дело происходило в Хэйт-Эшбери. Как-то мы разговорились. Я рассказал о книге, которую тогда писал, и спросил, не может ли он чем-нибудь помочь. Он и в самом деле здорово помогал мне в последующие несколько месяцев; вот как он и познакомился с «Ангелами Ада». Еще мы вместе ездили в Ла Хонду к Кену Кизи.

Однажды в субботу мы поехали туда по прибрежному шоссе, что уходит из Сан-Франциско. Я взял с собой моего двухлетнего сына, Хуана. В то время и вправду возникали самые чумовые комбинации и пересечения людей. Вместе со мной ехал Аллен Гинзберг, нас сопровождали «Ангелы Ада». И копы, чтобы своевременно предотвратить бесчинства Ангелов. Семь или восемь полицейских машин. Дом Кизи, отделенный от дороги небольшим ручьем, производил очень странное впечатление. Например, на каждом дереве надрывался установленный там мощный динамик, они висели повсеместно, даже на проводах вдоль шоссе. Уже на подъезде к дому вы оказывались в вихре чудовищного грохота – рок-н-ролла в самом диком своем проявлении. В тот день, еще до того, как подъехали Ангелы, копы принялись арестовывать каждого, кто покидал владения Кизи. Я уже подъезжал к дому. Хуан мирно посапывал на заднем сиденье. Намечалась заварушка – копы хватали людей и тащили проверять их данные в свои тачки. До легавых оставалась сотня метров, и мы видели, как они весьма жестоко издевались над одним задержанным. Аллен сказал: «Слушай, мы ведь этого так не оставим». Так вот, с Алленом на пассажирском сиденье и Хуаном на заднем я подъехал прямо к копам, которые как раз схватили одного нашего знакомого. Он направлялся в расположенный за углом ресторан. Когда копы только приблизились к нам, Аллен завел свою шарманку – начал тихонько гудеть мантру «ом», надеясь так замурлыкать им мозги.

Я же заговорил с ними на журналистский манер: «Что происходит, офицер?» Тем временем плохие вибрации от копов нарастали, и Аллен пел мантру все громче и громче, надеясь своим гудением создать против них Буддийский заслон, при этом он игнорировал их вопросы, отвечая только: «Ом! Ом! Ом!» Мне пришлось объяснить копам, кто он такой и почему так странно себя ведет. Тогда они наконец заглянули на заднее сиденье и спросили: «Кто это у тебя там сзади? Ребенок, что ли?» И я ответил: «Да, это мой сын». Аллен все еще пел свой «Ом», когда нас отпустили с миром. Полагаю, нам попался вполне разумный коп, решивший не связываться с журналистом, поэтом и ребенком. Интересно, что он тогда подумал о гудящем, как пчела, Гинзберге? Так выглядела одна из самых престранных ситуаций, в которые я когда-либо попадал, впрочем, почти любая ситуация с участием Аллена получалась странной в той или иной степени.

Дж. П.: Повлияли ли на вас другие авторы Разбитого Поколения?

ХСТ: Джек Керуак немного повлиял на меня как на писателя... Этими своими арабскими распонятками, типа, враг моего врага – мой друг. Керуак показал мне, что совершенно реально писать о наркотиках и при этом публиковаться. Это оказалось *возможно*, и я ожидал, чисто символически, что и он появится в Хэйт-Эшбери. Гинзберг тусовался здесь, и, казалось бы, Керуаку тоже тут самое место. Но вот нет: он вернулся к своей матери и в 1964 году голосовал за Барри Голдуотера. Тут наши дорожки и разошлись. Я не пытался писать, как он, но есть что-то общее в том, как мы добивались публикации своих книг, как пробивались сквозь лед издательского истеблишмента Восточного побережья. Подобную связь я чувствую и с Хемингуэем. Когда я впервые узнал о нем и его работах, то подумал – ну ни фиги же себе, как некоторые люди писать могут. Ну и разумеется, Лоуренс Ферлингетти оказал на меня изрядное влияние – и как великолепный поэт, и как хозяин невероятного книжного магазина «City Lights» на Норт Бич.

Дж. П.: Что означает «писатель вне закона» в вашем понимании и на вашем примере?

ХСТ: Я просто всегда оставался верен себе и своему вкусу. Если мне нравится нечто и оказывается, что это запрещено законом, – что же, у меня могут возникнуть проблемы. Обратите внимание – жизнь вне закона не обязательно означает жизнь против закона. В древности об этом хорошо знали. Возьмем историю Скандинавии. Община могла объявить, что человек находится вне закона, и тогда он отправлялся в ссылку в другие земли. Такие люди сами сбивались в общины, которые стояли строго вне закона. Такие общины жили по всей Гренландии и Исландии, куда бы ни приставали их корабли. Я не думаю, что, попав вне закона в своих родных странах, они принципиально стремились к этому... Я никогда не стремился к конфликту с уголовным кодексом или стать «внезаконником». Просто однажды оказалось, что именно так дела и обстоят. К тому моменту, когда я принялся за историю «*Ангелов Ада*», я уже гонял по дорогам вместе с ними, и было совершенно ясно, что возврата назад, к правильной жизни в рамках закона, нет и не будет. Если взять Вьетнам и траву, то получится, что все поколение напропалую совершало уголовные преступления. Все жили с ощущением того, что однажды они могут влететь по-крупному. Огромное количество людей сформировалось и выросло с этим отношением. Найдется масса «внезаконников» много махровойей меня. Я же просто писатель. И никогда не стремился быть писателем вне закона. Даже и не слышал такого термина; его придумал кто-то другой. Но мы все стояли вне закона – Керуак, Миллер, Берроуз, Гинзберг. Мне неинтересно судачить, кто из них нарушил больше пунктов кодекса или кто был самым отъявленным «внезаконником». Я просто признаю союзников, моих людей.

Осень 2000

* * *

В бурные и жестокие 60-е я обнаружил, что все глубже и глубже погружаюсь в опасную трясину криминального образа жизни и вместе со мною в нем вязнут едва ли не все мои друзья и знакомые. В какой-то момент я был невероятно загруженным профессиональным журналистом с женой, сыном, невероятно образованными друзьями и новейшим мотоциклом марки BSA, который журнал «Hot Rod» как раз тогда объявил «быстрейшим в истории». Моя комфортабельная квартира в доме, что стоял на холме, над парком «Золотые Ворота», не пустовала ни ночью, ни днем – в ней толпились художники, музыканты, писатели, адвокаты, дикие байкеры и звезды рок-н-ролла, имена которых вот-вот узнает весь свет... В те годы Сан-Франциско был столицей мира, а мы – новой аристократией. Казалось, мы живем в Волшебном Царстве.

И все-таки кое-что меня беспокоило. И очень даже серьезно. Невозможно было не обратить внимания, что все больше и больше моих друзей арестовывали и сажали в тюрьму. Мы делали все то же, что и прежде, но вдруг оказалось, что мы виновны в тяжких преступлениях, которые влекли за собой суровые наказания... За косяк, скуренный на скамейке в парке, полагалось пять лет, десять лет получали те, кто отказывался идти в армию, то есть отправляться умирать во Вьетнам.

Это оказалось только началом Криминализации целого поколения, и с каждым днем я ощущал это все острее. Даже Джоан Баэз оказалась за решеткой. По новым законам выходило, что хранение ЛСД – особо тяжкое преступление «Класса А», и полиция может и даже должна выломать вашу дверь, если есть основания полагать, что у вас дома лежит кислота. Как-то раз, на одном дне рождения в Беркли, я оглянулся и понял, что все мы сейчас совершаем уголовное преступление, просто в силу того, что тут находимся. Вчерашнее Веселье официально превратилось в завтрашний безумный кошмар. Страх тогда сподвигнул меня на решение нанять надежного адвоката, специалиста по уголовному праву. Он согласился при одном условии – никогда не заговаривать с полицейским прежде, чем он примчится ко мне на помощь.

Какая такая марихуана?

В самом деле, среди моих лучших друзей немало адвокатов. Среди моих других хороших друзей найдутся и профессионалы из силовых структур, но вот их уже немного. Мне кажется, что в моем бизнесе это не очень мудро – держать вокруг себя слишком много копов, равно как и постоянно находиться в компании адвокатов – пока, разумеется, против тебя не соберутся затеять процесс в суде, и даже тогда ты должен держать ухо востро. Ваша жизнь и ваша свобода, сама ваша судьба зависит от того, насколько удачно вы выбрали адвоката; и если ваш выбор был неудачен, вы дорого заплатите за это. Если ваш защитник – дурак или мямля, вы обречены. Суд будет вас презирать, обвинители – глумиться над вами, ваши друзья предадут вас, а ваши враги восторжествуют. Без всякого сожаления и пощады вас зашвырнут в жернова Системы Уголовного Права.

А это то самое место, где надеяться можно лишь на то, что вас признают безнадежно невменяемым. Безумие, в конце концов, можно лечить, под присмотром, конечно, закона; а вот Доказанная Вина и Судимость останутся с вами навсегда – или же, в самом лучшем случае, придется внести в различные фонды огромные денежные средства, чтобы подмазать дружественного Президента, избранного на второй срок, которому нечего терять и которому ничего не стоит выдавить из себя в самую последнюю минуту принародно несколько Изви-

нений за необоснованное задержание. Вот тут-то он вам и понадобится – баснословно дорогой Адвокат. Правосудие никогда не ценилось в Америке дешево, даже для невиновных.

* * *

Нет-нет. Сразу забудьте про все эти «пусть клиент помучается». *Адвокат, типа, помучается Позднее, один как перст среди своих шикарных апартаментов, мучимый демонами нечистой совести.*

Нет. Ничего подобного. Хочу, чтобы он мучился прямо сейчас, совсем как я. Он же поручился за меня! Мы же теперь Братья, любящие друг друга до Глубины Души. Мы страдаем вместе, или нечего и начинать.

Нас объединяет священная Клятва, сакральный коктейль из Крови, Правды и Чести. Мы будем драться, спина к спине на гребне высочайшего из холмов, защищая наше непобедимое Братство, благородное знамя Правды, Закона и Справедливости.

Нас немного, но мы говорим от имени миллионов. Мы свирепы, как одинокие быки, и имя нам – легион. Наши манеры кротки и сдержанны, но наша справедливость – неотвратима. Иногда она приходит не сразу, но в другие дни налетает Быстро, перегрызая шеи Виновных, подобно стае Карликовых Крокодилов, коих выпустили на прогулку в долину реки Мапуто в Трансваале, где Виновные могут бежать, но им нипочем не Спрятаться.

Их души никогда не умрут, никогда не умрут и наши. Единственная разница между нами в том, что, когда на одном из эксклюзивных пляжей Будущей Жизни приступят к Большой Готовке, их души превратятся в длинные острые шампуры, помещенные в самое пекло, в то время как наши станут руками на брызгалках с водой...

* * *

Я поручил своему адвокату достать на следующий день досье, которое ФБР собрало на меня, но он только поднял меня на смех и назвал дураком.

– От этих свиней ты никогда не получишь и драного листика, – сказал он, – можно просить, умолять, требовать и подавать в суд – но они *никогда* не скажут, что у них есть на тебя. А уж в твоём случае, Док, эта дерьмовая папка будет такой толстой и столь устрашающей, что, может, нам лучше и не видеть ее никогда. Цена в любом случае выйдет астрономическая.

– Ну ладно, – сказал я быстро, – спасибо, что предупредил. Должно быть, я умом повредился с досье этим несчастным.

– Вот-вот, – продолжил он, – речь пойдет как минимум о миллионе – да за такие бабки можно в Новом Орлеане прекрасный дом купить или два раунда в гольф с Тайгером Вудсом.

– Да к черту все это, и покласть на ФБР, – сказал я. – Кто там еще по мою душу?

– Как ни странно, никто, – ответил он. – Не пойму отчего. Сейчас настали совсем опасные времена – замести могут любого. Остается только стучать по дереву и наслаждаться каждым мгновением жизни.

– Да, точно, – подтвердил я. – Как раз поэтому мы и отправляемся в Африку через месяц. Надо сматываться из этой страны, пока еще есть такая возможность!

– Мы? – спросил адвокат. – Ты о чем это, Док? Как твой адвокат, я не знаю никаких «мы».

– Ах ты злобный ублюдок, – отозвался я. – Но не беспокойся, я-то знаю, каким быть отношениям адвоката и клиента. *Тебя* никогда еще не обвиняли в Терроризме? Боюсь, когда этот момент настанет, множество подонков вроде тебя окажутся за решеткой. Вот что означает «мы» в моем понимании.

Он умолк. Это никогда не помешает – держать своего адвоката в ежовых рукавицах – так можно рассчитывать, что в сложной ситуации он не бросит вас выкручиваться в одиночку.

Суд Линча в Денвере

*Сначала они пришли за евреями,
И я смолчал,
Потому что я не еврей.*

*Потом они пришли за коммунистами,
И я смолчал,
Потому что я не коммунист.*

*Затем они пришли за профсоюзными лидерами,
И я смолчал,
Потому что я не входил в профсоюз.*

*Когда они пришли за мной,
Уже некому было говорить*

Пастор Нимеллер (жертва нацистов)

ВИНА В ПОНИМАНИИ АССОЦИАЦИИ.

В САМОМ СЕРДЦЕ ДЕЛА ОМАН.

*Карен Эббот, репортер Службы Новостей
Rocky Mountain News, 29 апреля 2002 года.*

Лисл Оман из Колорадо и «20-го налетчика 11-го сентября», как называют его федеральные агенты, сближает одно: они находятся за решеткой, а истинные виновники умопомрачительных преступлений, которые им приписали, разгуливают на свободе.

Наручники щелкнули за спиной Оман после того, как человек, которого она знала меньше одного дня, застрелил в 1997 году в Денвере полицейского офицера Брюса ВандерЯгта. Она не совершала никакого преступления, но ее признали виновной в убийстве и приговорили к пожизненному заключению.

Закариас Муссауи, французский подданный марокканского происхождения, сидел в тюрьме за нарушение иммиграционных законов, когда случился теракт 11-го сентября, но государственные обвинители полагают, что ему следует воздать сполна за это преступление.

Он по-прежнему находится в тюрьме, ожидая решения суда Виргинии, который обвиняет его в организации теракта, убившего тысячи людей.

26-летняя Оман также пребывает за решеткой, и ее протест против несправедливого решения суда тоже оказался в центре внимания всей страны. Апелляционный Суд Колорадо должен вынести решение по ее делу в этот вторник.

Муссауи едва ли вызовет сочувствие у американцев, но у Оман есть такой шанс.

– Инстинктивная реакция людей на дело Оман всегда одинаковая: «Это несправедливо!», – говорит Дэвид Лэйн, адвокат из Денвера.

Адвокаты заключенных настаивают, что и Оман, и Муссауи пали жертвой полицейских властей, которым не терпелось найти и наказать хоть кого-нибудь, и, раз уж настоящие преступники оказались вне их досягаемости, они схватили тех, кто попался под руку.

19 террористов погибли, когда те четыре самолета, которые они угнали, поразили свои цели – небоскребы Всемирного Торгового Центра, Пентагон и безвестное поле в Пенсильвании.

Убийца офицера ВандерЯгта, Маттеус Йенинг, немедленно застрелился сам из пистолета своей жертвы.

Судьбы Оман и Муссауи наглядно иллюстрируют давний и основополагающий принцип американского правосудия: не обязательно нажимать курок, угонять самолет, не обязательно даже болтаться рядом или строить преступные планы, чтобы испытать на себе всю тяжесть карательных мер судебной системы.

Судья Денвера признал Оман виновной в «убийстве с отягчающими обстоятельствами» – убийстве, совершенном в ходе другого серьезного преступления или сразу после него; получается, она виновна в смерти ВандерЯгта, поскольку незадолго до убийства участвовала в ограблении.

Оман попросила Йенинга помочь ей обчистить квартиру ее бывшего парня в Пайне. Когда показалась полиция, они вдвоем удрали на машине. Полиция настигла их в Денвере, где Оман взяли под стражу. Йенинг попытался бежать и застрелил ВандерЯгта, в то время как Оман сидела в полицейской машине, закованная в наручники.

Адвокаты, работающие с уголовными делами, видят в деле Оман шанс пересмотреть систему осуждения за особо тяжкие преступления – благодаря существующей системе люди, не собиравшиеся никого убивать и даже не присутствовавшие на месте преступления, неоднократно приговаривались к смерти.

– Доктрина наказания за особо тяжкие преступления предельно жестока и часто служит поводом для злоупотреблений, – говорит Дэвид Лэйн.

Национальная Ассоциация Адвокатов опубликовала заявление в защиту Оман. Совет Адвокатов Колорадо выступил на стороне государства.

– Практику наказаний за особо тяжкие преступления следует распространить по всей стране, таково наше твердое убеждение, – говорит Питер Вейр, председатель Совета.

Он подтвердил, что в Колорадо подсудимый «несет ответственность за все последствия всех действий, совершенных при его участии» – это является общепринятой практикой.

– Однажды заварив кашу, ты принимаешь на себя ответственность за все, что произойдет дальше, – говорит Вейр.

Дело Оман многих не оставило равнодушными: в ее защиту высказались самые разные люди – начиная с «гонзо»-журналиста Хантера Томпсона до известного своим консерватизмом сенатора Рика Стенли и одного из присяжных, вынесших Оман суровый приговор.

* * *

Ночь павлины обычно проводят на одном месте. Для ночевки они находят какое-нибудь место повыше, и находят его обычно до заката. Они-то знают, сколько зверья рыщет вокруг в поисках пищи: лисы, койоты, дикие кошки, бешеные собаки, жаждущие крови. Единственное животное, которое им угрожает на высоте, – это огромные плотоядные совы, способные видеть в темноте и пикирующие на любую движущуюся цель, будь то водяная крыса или питательный маленький ягненок.

Мои собственные павлины днем свободно разгуливают где хотят, а ночью возвращаются в свою теплую клетку. Изредка они не успевают в клетку до заката, и тогда проводят ночь на дереве или на вершине телефонного столба – как это, например, случилось на прошлой неделе.

Это не молния обесточила мой дом, а павлин-самец, который взлетел на столб и замкнул провода. В результате он превратился в пепел, а половина моего электрооборудования накрылась. Ток восстановили, птицу – нет. Она зажарилась, точно ломоть бекона. Есть даже было нечего. Эта трагедия случилась под самый конец рабочего дня, если быть точным. Так что извините.

Я разговаривал со многими адвокатами, занимавшимися делом Лисл Оман, и с каждым разом дело это представлялось мне все более возмутительным. Так нечасто случается – Никогда, чтобы быть точным, но дело Оман привело меня в ярость, преследовавшую меня днем и мешавшую спать по ночам. Я не Криминальный Адвокат, но располагаю так называемым «очень сильным окружением» в Системе Уголовного Права, к тому же многие мои друзья и приятели известны как лучшие умы-законники этого жестокого и смертоносного бизнеса.

Здесь не место любителям, но даже закаленный профессионал способен наделать ошибок, которые вполне могут оказаться фатальными. Система способна заграбастать Невинного и превратить его в Преступника, как это произошло с Лисл Оман, которую несправедливо обвинили в убийстве и приговорили к Пожизненному Заключениею Без Права Пересмотра.

Из всего моего обширного опыта общения с судами, преступниками и иногда со злобными полицейскими этот случай среди примеров самого паскудного толкования слова «Закон» – самый чудовищный, самый несправедливый. Это самое гнусное извращение понятия «Правосудие» на моей памяти – а моя память насчитывает немало таких вот гнилых извращений, некоторые из которых имели ко мне самое непосредственное отношение. И когда бы на моей стороне не оказалось нескольких пробивных зубодробительных адвокатов, не бросивших меня в ужасной беде, кто знает, чем бы все кончилось.

В такие моменты многое понимаешь о законе Кармы, а самым веским словом является следующая цитата из Эдмунда Берка: «ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ТОРЖЕСТВА ЗЛА, – ЭТО БЕЗДЕЙСТВИЕ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ».

Именно поэтому я ввязался в дело Лисл Оман, и именно поэтому я не брошу его, покуда эта Кривда не будет исПРАВлена. Именно поэтому первый взнос в Фонд Защиты Лисл Оман сделал Джеральд Лефкорт из Нью-Йорка, президент Национальной Ассоциации Адвокатов. «Это будет непросто, – сказал он с кривой улыбкой. – Но какого черта – записывайте меня».

В самом деле. Задача не из легких – вытащить из тюрьмы «Осужденную Убийцу Полицейского», но она отчасти облегчается тем, что Лисл никого не убивала, во всяком случае не больше, чем я сам. Она сидела в наручниках в полицейской машине в Денвере, когда этот отморозенный порочный скинхэд сначала завалил полицейского, а затем снес себе выстрелом башку, и полицейским оказалось не с кого спрашивать за убийство – кроме Лисл.

5 Февраля 2001 года

Закон о соучастии в особо тяжких преступлениях – это не должно случиться с вами

Думаю, едва ли мой читатель сможет сочувствовать Лисл так же, как он – с Божьей помощью – мог бы сочувствовать мне. Но поверьте, я и в самом деле частенько думаю, что дело Лисл – самый безобразный случай из тех, в которые я решил ввязаться. Человек осужден несправедливо – Помогите. Не важно, кто она и чем занималась.

Множество реальных фактов в этой истории говорят сами за себя – и это аргумент посильнее, чем истеричная пропаганда ненависти к преступникам и кампания «Скинхэды – вон», развернувшаяся в прессе после оглашения приговора. В ходе следствия и судебного процесса допущены грубые и явные нарушения; фактически весь материал, предоставленный полицейскими, сводится к фразе «Человека убили. Мы точно это знаем». Да, двое в этом деле мертвы. Помимо грязных политических игр, окружающих этот процесс, мы имеем также паскудного скина, Маттеуса Йенинга, и полицейского, Брюса ВандерЯгта, и Лисл, которой пришлось за все это отвечать.

Этот случай показателен не только для Денвера. Он характеризует всю нашу судебную систему. Те пункты закона, на которые обвинение ссылалось во время осуждения и наверняка сошлется во время апелляции, если таковая случится, и, будем надеяться, во время повторного судебного процесса, – настоящий триумф мерзости и несправедливости. Дело велось с какой-то дикой небрежностью, что подводит нас к ведьмовскому скарбу странных проблем внутри нашей законодательной системы. Права Лисл нарушены самым возмутительным образом – но не копы в этом виновны. Ее права нарушены всей Системой, каждой ее частью. Осуждение Лисл имеет ряд весьма очевидных объяснений – в то время президент Клинтон много говорил о бескомпромиссном преследовании убийц полицейских; затем его законопроект о «Ненавистных Преступлениях» прошел в конгресс, так что полиция Денвера действовала в полном соответствии с внутренней политикой государства, мстя за смерть своего сотрудника.

Давайте не забывать, что двое человек погибли в ходе этой истории. Во время слушаний по делу Лисл никто не потрудился воссоздать реальную картину произошедшего. Хорошо бы выяснить это в конце концов. Ведь до сих пор неизвестно наверняка, кто убил офицера ВандерЯгта и кто прикончил Маттеуса, этого слетевшего с нарезок головореза; я далеко не уверен, что он застрелился самостоятельно. Возникает масса вопросов, главный из которых – «Кто сделал это?» Масса вопросов по поводу этого странного инцидента, который, по-хорошему, и не должен был произойти: за Маттеусом числится такой список преступлений и злодеяний, что непонятно, как это его не застрелили раньше. «Я должен был убить тебя давным-давно», – неужели так обстоит дело? Если бы копы побольше следили за порядком на улицах, а не занимались бы подлым крючкотворством, сварганенным неизвестно в каких сортирах, Лисл, может, избежала бы тюрьмы. Чем конкретно занимались во время этого припадочно-дикого инцидента сорок или пятьдесят полицейских, присутствовавших там, так никто никогда и не проверял. Фактически картина преступления так и не восстановлена. По крайней мере она никогда не всплывала на судебных слушаниях,

поскольку признание Лисл в менее значимом преступлении словно сняло все остальные вопросы. Именно так: дело прошло через все положенные инстанции, но никто толком и не выяснил, что, собственно, происходило. Я не говорю о новом расследовании, хотя на это есть все основания. Я призываю к проведению повторного судебного процесса.

Исправное функционирование системы уголовного преследования, судебной системы, юридической системы, системы, определяющей правильное и преступное, системы, распределяющей ответственность, – ведь каждому интуитивно ясно, что означает «исправное» в данном случае; так вот, исправность этой системы существенна для каждого из нас. Обычная вспышка камеры, сфотографировавшая, как вы проезжаете на красный свет, – и вот вы уже вовлечены в эту систему, систему, которая порой работает совсем не так, как положено... и тогда всем не поздоровится – включая Маттеуса и ВандерЯгта. Достанется даже мне, даже издателю «Denver Post» Дину Синглетону – он и его семья также совершенно беззащитны перед сбоем американской юридической системы, как и любые другие люди. Эти жернова способны сломать тебе хребет. Если ситуация продолжит развиваться в том же духе – дело плохо, у нас серьезные неприятности.

Дело Лисл, окруженное соответствующей общественной и политической атмосферой, на которой зиждится поддержка Закона Патриота США, – идеальный пример того, как человек, не успев и не сумев вовремя подсуетиться, проваливается сквозь зияющие дыры в судебной системе прямиком на дно ада. Это дело студентки колледжа, которая связалась с дурными людьми, приличной девушки из среднего класса, превратившейся в безликую единицу в месте отбывания наказания. Вопрос о ее вине или невинности по-прежнему поражает. Она помещена в государственную тюрьму до конца жизни, без права досрочного освобождения, за преступление, произошедшее, пока она сидела в наручниках внутри полицейской машины.

Смотрите, что получается. Эта женщина, совершенно очевидно, не совершала преступления, в котором ее обвиняют. Вы не совершали, и она не совершала. Представьте, что вы едете в супермаркет «7-11», и вот сидящий рядом с вами – друг, жена, любовница, незнакомец – выходит из машины со словами: «Ну чего, я сгоняю, что ли. Блин, ночка выдалась та еще, да и день не лучший, сколько же заморочек с этим дерьмом... Я, блин, закипаю уже просто, так что деранем пивка сейчас. И еще, чувак, я надеюсь, у них там джин найдется, джин тоже будет самое оно».

Ничего особенного, правда: кто-то вышел из вашей машины, сказал что-то там, да и направился к магазину «7-11». На часах – 11:30, и вам еще предстоит сложная ночь, полная нерешенных проблем, – допустим, замутить что надо, не важно. Главное – придется поморочиться, и вы видели, что ваш друг – скажем, Кертис – в дороге явно о чем-то беспокоился, может, и обо всем сразу; дела шли не так, как вы или он задумывали, но, в общем, он просто вышел из машины, а вы протянули ему деньги. «Да ладно, у меня есть», – только и сказал он, забирая вашу двадцатку, и направился к «7-11», как самый обычный американский гражданин, отправляющийся в магазин на рождественскую распродажу, исправная деталь огромной американской системы потребления. Он скрылся внутри, и тут самое время огласить некоторые факты из жизни Кертиса – дело в том, что его сестра много лет назад вышла замуж за корейца, и с тех пор у Кертиса развились разные комплексы – мы бы не упоминали эту историю без причины, поэтому скажем просто, что у сестры Кертиса и того корейского джентльмена не все сложилось ладно и гладко, и если по-честному, то с тех пор Кертис корейцев на дух не переносит. (Парень, за которого вышла его сестра, однажды врезал ему прямо в ухо.)

Итак, Кертис вышел, а вы расслабленно почитываете газету; этот парень – ваш старый приятель-журналист, у которого, как все знают, есть такой небольшой безобидный бзик по поводу корейцев. Он заходит в «7-11», а там за прилавком – кореец. Кертису всего-то и надо,

что пива, но вот оказывается, что самое тут крепкое – 3,2 %, не пиво даже, а непонятно что; так что Кертис смотрит дальше. Он думает, ну, может, хоть что-то с алкоголем тут есть, а *может, у них джин имеется?* Так что он спрашивает корейца: «У вас есть джин какой-нибудь?! «Спорт»? «Бубба»?» Тот отвечает: «Джин? Че, полицию вызвать? Ты о чем вообще? Конечно, нет джина никакого. Проваливай».

А так получилось, что буквально за две недели до этого Кертис наконец-то получил разрешение от местного шерифа, и в кармане у него лежит 10-миллиметровый «Глок», очень неслабая машинка. Покруче, чем 9-миллиметровый: выглядит так же, а пули больше. Кертис чувствовал себя очень неплохо с пушкой. Возможно, как-то раз он даже направил пистолет на одного араба, который подозрительно долго пялился на его машину в подземном гараже; того как ветром сдуло, а Кертис исполнился уверенности в себе. И вот этот кореец за прилавком ни с того ни с сего обложил Кертиса с головы до пят, и его мысли самопроизвольно перекинулись на сестру...

Как-то раз вы поделились с Кертисом одним случаем из вашего детства, историей, когда вы спросили папу: «А в чем разница между корейцами, японцами и китайцами?» Тогда шла Корейская война, и вы никак не могли разобраться, с кем и из-за чего корейцы там сражаются. И ваш отец сказал тогда: «Сынок, я так тебе скажу: японцы – чистые снаружи и грязные изнутри; китайцы – грязные снаружи, но чистые изнутри. А что касается корейцев, то я бы охотно не говорил этого, но корейцы *грязны со всех сторон*». Вы обсуждали это с Кертисом – история привела его в восторг, – так что вполне способны вообразить, что может произойти после того, как Кертис зайдет внутрь и поцапается с визгливым, наглым, возможно, что и обхреначенным спидом корейцем... А тот еще вдобавок отказывается принять его кредитную карточку; говорит, что не срабатывает. Ты же знаешь, *это еще не повод материться; звонок еще не прозвенел*. Пива он, во всяком случае, точно не получит.

Вы знаете характер Кертиса, эту взрывную спираль его гневного темперамента, по которой он уже дошел до седьмого этажа, пока вы водили с ним разговоры, пребывая не выше второго, совершенно упустив из виду, что он-то уже на седьмом. Тем временем Кертис уже позабыл о деньгах, которые вы ему дали. «Ссука!» – стучит у него в голове, и он уже больше ничего не соображает. Этот парень неосторожно вытолкнул Кертиса на какую-то незнакомую территорию, где тот уже не в состоянии ориентироваться и контролировать хоть что-то. Ярость взвивается в нем огненным протуберанцем. Предположим, кореец так и не врубился в происходящее и брякнул что-то вроде «Ну чего застыл, Толстяк?». (Однажды со мной такую штуку проделал один коп в Мобайле: «Отвали и сядь, Старик». А мне-то и было всего сорок лет.) В голове Кертиса – уже только лягушачьи зенки корейца, того самого, что бил его сестру, бил ее непрерывно, порушил ей всю ее прекрасную жизнь, а Кертис отчаянно ее любил, и тут он битые сутки просидел в душном ящике, всю субботу на этом долбаном солнце... И ХУЯК! Он уже не помнит себя – с каждым из нас это случается время от времени, чего там – теперь у руля оказывается мускульная память, он тренировался достаточно, так что достает «глок» из кармана и направляет на этого корейца, и в этот момент чувствует какое-то угрожающее копошение за своей спиной. Кто-то еще – огромный громила, брат корейца, его кузен – заходит в магазин, и кореец орет: «Давай сюда, поможешь скрутить этого ублюдка!»

Кертис вдруг соображает, что на него того гляди набросятся еще два или три человека, а может, и всего один, одно несомненно – начинается какая-то невнятная колготня, а его инстинкт самосохранения говорит совершенно ясно – он окружен этими зажавшимися ублюдками. Так что Кертис палит в парня напротив с целью преподать нападающим урок, а те, что сзади, можете не сомневаться, немедленно исчезают. Кореец протягивает к нему руку, и тогда Кертис стреляет еще два раза. Не лучшее решение, правда? Так как пиво, за которое Кертис собирался расплатиться кредиткой, стоит прямо перед ним, предположим,

что Кертис хватается пиво и забывает кредитку в кассе – не удивляйтесь, такие вещи вполне возможны в кругах профессиональных журналистов.

Звук выстрелов долетел до вашего слуха, но вы не обратили на них особого внимания – слушали радио. Вы вообще были отрешены от внешнего мира; предположим, полицейская машина затормозила на дальнем конце паркинга, но вы все-таки ее увидели. Вы подумали что-то вроде «Хммм, мусора, а где же шляется Кертис?» как раз в тот момент, когда он выскочил из магазина, не то чтобы галопом или сломя голову, просто быстро вышел и направился к машине с упаковкой из шести бутылок пива в руке. Он торопливо усаживается и говорит:

– Поехали отсюда.

Вы спрашиваете:

– Эй, чего случилось, что за фигня?

Он отвечает:

– Ничего особенного, погнали, погнали отсюда!

Вы видите копов на дальнем конце паркинга, и становится понятно, что именно они заставляют Кертиса так нервничать. Следующий раз вы возвращаетесь к этой мысли уже в трех-четырех кварталах от магазина. Кертиса всего трясет, и довольно скоро начинает трясти и вас, поскольку первым делом он сообщает: «Кажется, я застрелил этого парня, я застрелил его. Будь он проклят! Эти козлы набросились на меня, и пришлось защищаться».

Вы только и можете, что подумать: «Ничего себе. О-хо-хо. Ну ни фигя себе. Как?! О Боже!» Ведь теперь вы виновны в убийстве Первой Степени. В штате Колорадо, в штате Калифорния, во многих других штатах соучастие в тяжких преступлениях приравнивается к преступлению. Вы – пособник, и преступление вашего друга ложится на вас, вы помогаете ему скрыться – за это по закону положена либо смерть, либо пожизненное заключение. Убийство Первой Степени! Кажется, этот случай дает некое понятие о ситуации, о которой идет речь?

(продолжение следует)

Иисус ненавидит убогих мудаков

Давайте признаем это: так называемый президент США *ничего не понимает и не контролирует*. Он просто болван. Он делает то, что ему скажут; он говорит то, как его научили; он принимает решения, только согласовав их с кем надо. Он – Дурак.

Осознать этот факт для избирателей нашей страны нелегко.

Нет. Чуть. Президент никак не может оказаться Дураком. Только не сейчас, в момент, когда последние ошметки Американской Мечты болтаются на всеобщем обозрении. Именно сейчас в Белом Доме меньше всего нужен не нюхавший жизни барчук.

Ведь это и *наш Дом* тоже. Это наш штаб – место, где бьется подлинное сердце Америки. Нынешний президент лжет в лицо; ему плевать на жизни других людей – он глупо и безответственно планирует и осуществляет *массовые убийства*, лишь бы мы остались Номером Один в мире. По всему выходит, что он – Позорный Осел, шумливое и бессмысленное животное, без мозгов и чести.

Сказать, что этот милашка-президент, напоминающий лишенного мозгов Гуфи из мультфильма, все больше и больше походит на Ричарда Никсона летом 1974-го, – значит грубо и незаслуженно оскорбить Никсона.

А чего? Я правда сказал так? Неужели такое возможно? Республиканец Новой Эры, эта похабная насмешка над словом «президент», вернее, шлюха в обличье зверя под маской

липового президента, действует так, что сам Ричард Никсон кажется теперь отъявленным Либералом.

Эти порочные твари-говнюки, которых *мы* выбрали себе на четыре года, способны принести своей алчностью нашим жизням, нашим душам и нашим любимым куда больше вреда, чем это в свое время удалось Никсону. Дерьмо-то какое! Никсон как-никак *создал* многое из того, что эти безмозглые ублюдки разносят сейчас вдребезги: Закон о Чистом Воздухе 1970 года, Закон об Исчезающих Видах, Финансовая Реформа; он начал политический диалог с Китаем, и так далее, и так далее.

При Никсоне Америка жила куда более свободно, как в политическом аспекте, так и во всех других, чем в нынешний злой год Господа Нашего, 2002. Любое социологическое исследование покажет это, раз уж вы сами себе не доверяете.

Босс Никсон являлся сертифицированным чудовищем, заслуживающим немедленного импичмента и изгнания. Его создал бывший руководитель ЦРУ Дж. Эдгар Гувер – настоящий символ и покровитель коррупции и бесправия, не имеющий себе равных среди американских политиков за всю историю страны. Однако Никсону хватило мозгов, чтобы разобратсья, отчего же славные патриоты-американцы терпеть его не могут. Он был *Лжецом*. Правда была создана не для него.

Никсон верил – и сам не раз говорил об этом, – что президенту США негоже заниматься противозаконной деятельностью. Но Никсон так и не понял истины более высокого порядка, которая сформулирована в строчке Боба Дилана: «Должен быть чист и честен тот, кто живет вне закона».

Разница между отрицанием законов и военными преступлениями – это разница между педофилом и Педерастом: педофил только мечтает о разврате с детишками, Педераст же реально ему предается. Он накладывает свои грязные лапы на невинных детей, дерет их во все дыры и меняет их жизнь навсегда.

Стать объектом осторожных обхаживаний педофила – привычная составляющая американского детства, оказаться жертвой безумной страсти Педераста – погибель. Невинность не вернешь. Однажды изнасилованный, ребенок навсегда становится Квиром (Фруктом) в собственных глазах, и это вполне равносильно убийству.

Ричард Никсон пересек эту грань, когда принялся убивать иностранцев в интересах «семейных ценностей». Джордж Буш с этого начал, когда пробрался в офис и начал убивать темнокожих детей во имя Иисуса и Американского народа.

Когда Мохаммед Али отказался вставать в колонну и отправляться убивать «узкоглазых» во Вьетнаме, он сказал так:

– Я ничего не имею против них, этих вьетконговцев. Ни один вьетнамец ни разу не назвал меня «ниггером».

На основании моих собственных убеждений и ценностей я согласен с ним. Он был *Прав*.

Когда бы каждому из нас досталось хотя бы по клочку величественной отваги Мохаммеда Али, эта страна и мир в целом выглядели бы куда лучше, чем сейчас.

Такие вот дела. Читай и плачь... Увидимся завтра, ребята. Вы обо мне еще услышите. Я – человек, говорящий от имени духа свободы и нравственности, который жив в каждом из вас. Черт! *Кто-то* же должен заниматься этим.

В глазах остального мира наша страна превратилась в нацистского монстра – нацию тупых и агрессивных ублюдков, которые предпочитают убивать невинных, а не жить в мире. Мы не просто Мрази, которые перегрызут горло за власть и нефть, мы мрази-убийцы, в сердце которых не осталось ничего, кроме страха и ненависти. Мы – отребье рода человеческого, и суд истории еще впереди. Социальное положение не имеет значения. Мрази – и все тут. Прочь с дороги, не то уьем.

Уродство изрядное. Джордж Буш не может говорить от моего имени, или от имени моего сына, или от имени моей матери, от имени всех людей, которых я уважаю на этом свете. Мы не голосовали за этих дешевых, трусливых и жадных убийц, которые говорят сегодня за всю Америку. Мы не будем голосовать за них ни в 2002-м, ни в 2004-м – никогда.

Кто может отдать свой голос за этих нечистых на руку и лживых негодяев? Кто из нас горд и счастлив со всей этой невинной кровью на руках? Кто эти скоты? Полоумные говнюки, обожающие чуть что целовать флаг, облапошенные богатенькими мерзавцами вроде Джорджа Буша?

Это они хотели посадить Мохаммеда Али в тюрьму за то, что он отказался убивать «узкоглазых». Они полагают, что жестокость, тупость и растленность – неотъемлемые части американского характера. Это расисты, разносчики ненависти среди нас – это настоящий Ку-Клукс-Клан. И я мочусь в глотку этим Нацистам.

И я уже слишком стар, чтобы выяснять, нравится это им или нет. Пусть катятся к дьяволу.

ХСТ (2002)

Часть вторая

Политика – это искусство контролировать свое окружение

*Я лучше других знаю мой народ. Оттого-то я его так и ненавижу. Оттого так сильно люблю. Я патриот. Опасный человек.
Эдвард Эбби*

Предвыборная гонка за пост шерифа: Эспен, 1970

В среду вечером, за семь дней до выборов шерифа, мы засели на ферме «Сова» и перекрыли все доступы к этому месту. С дороги дом казался темным, пустым и нежилым. Подъезд к ферме наглухо блокировали с одного конца здоровый джип, а с другой – голубой «чеви», судя по номерам – из Висконсина. Так что попасть на ферму представлялось возможным лишь при помощи ног: бросить машину на дороге, подняться на невысокий холм и пересечь довольно-таки немаленький двор, залитый ярким светом прожектора... либо подкрасться к дому сзади, по одной из двух меж, что отделяли дом от Национального Парка «Белый лес».

Впрочем, только ненормальный или круглый идиот мог надеяться приблизиться к дому незамеченным, что сзади, что спереди. Поскольку дом являлся настоящей крепостью, которую охраняли вооруженные психи. Где-то слева, в пересохшей канаве в двухстах метрах за волейбольной площадкой сидел Большой Эд Бастиан, звезда баскетбольной команды Университета Айовы... незаметный в ледяной темноте, с 12-зарядным помповым ружьем, карманным фонарем и револьвером.³⁸ «Special», засунутым за пояс; Большой Эд, наш многотрадальный координатор избирательной кампании... Новая макробиотическая диета, которой он придерживался в последнее время, явно не пошла ему на пользу. Вдобавок ко всему недавно он заработал трещину в одной из костей левой голени, когда попытался по всем понятиям сесть в позу лотоса, и теперь носил шину. К полуночи температура упала до – 12 и продолжала снижаться. Луны не было видно.

С другой стороны дома – Майк Солхайм, главный менеджер моей кампании, патрулировавший западные подступы с двуствольной 12-зарядной «береттой» и «питоном» Кольта, «магнумом 357». Мы побаивались, как бы Майк не вообразил в каком-нибудь очередном приходе, что он снова во Вьетнаме, не впал бы в ветеранское безумие и не снес бы башку Бастиану, если они случайно столкнутся в темноте.

Впрочем, они почти не двигались, невзирая на собачий холод. Ребята выбрали позиции правильно, каждый безупречно контролировал свой сектор. Они могли отбить нападение не только сзади, слева или справа, но и открыть перекрестный огонь картечью по любому человеку, который осмелится подойти к дому спереди. Кроме того, любой подлец, подходя к дому с дороги, попадал прямо под дуло 30-го калибра Тедди Юера.

Тедди, дикий юный байкер с волосами до пояса, приехал к нам из Мэдисона в расчете повеселиться на предвыборной кампании кандидата от Власти Фриков на пост шерифа. Однако угодил он к нам на совсем невеселую, да притом еще и круглосуточную службу телохранителя. Теперь, когда из-за угрозы кровопролития первоначальный план кампании забыли и похерили, наш друг из Мэдисона оказался на ответственном посту – сидя с ружьем наперевес на кресле от «Кэтберд» у огромного затемненного окна в гостиной, с прекрасным

видом на все происходящее в 30 метрах от террасы дома. Он не видел Солхейма или Бастиана, но знал, что они тоже несут вахту и что все они откроют огонь, если вдруг произойдет то, о чем нас столько предупреждали.

Во второй половине дня мы получили известия от Бюро Расследований Колорадо (БРК) – известия самые безрадостные. Нам сообщали, что сегодня ночью, между закатом в среду и рассветом в четверг, может произойти покушение на жизнь мистера Томпсона, кандидата на пост шерифа от Власти Фриков. Информация была получена от сотрудника БРК, которого нам характеризовали как «в высшей степени надежного осведомителя», человека, которому нет никаких причин не верить, потому что он (или, может быть, она, таких подробностей нам не сообщали) «раньше никогда не ошибался». БРК сообщило нам, что осведомителю не удалось выяснить личности убийц. Также не удалось выяснить, каким образом и при помощи каких средств будет совершено убийство. Осведомитель предположил, что логичнее всего ожидать использования огнестрельного оружия. Например, подкараулят Томпсона в каком-нибудь уединенном местечке вдоль дороги между Эспеном и Вуди Криком и... А если там его ликвидировать не получится, то... все отлично знали, что кандидат жил в изолированном доме, в весьма удаленной местности, а это по идее весьма опасно. Может быть, его достанут там, застрелят ... или используют динамит.

Ну конечно. Динамит, типа RDX, 90 процентов нитроглицерина. Как раз несколько дней назад со склада Лыжной Корпорации Эспена на горе Аякс украли 210 брикетов этой взрывчатки, и, по сообщению Лыжной Корпорации, воры оставили записку, в которой говорилось: «Украденный динамит пустят в дело только в случае избрания Хантера Томпсона шерифом Эспена». Подпись: «СДС».

Вот так. Какое-то чмо расписалось в записке аббревиатурой «СДС». Человек из БРК даже не улыбнулся, когда мы смеялись над этой историей. Он проворно развернул другую бумажку и сообщил нам, что «надежный осведомитель» также узнал, что динамитом собираются взорвать полгорода: здание окружного суда (имелся в виду офис шерифа), мэрию (управление полиции), отель «Джером» (наш предвыборный штаб) и «Вилер-Оперу» (там располагалась контора наших адвокатов, Джо Эдвардса и Дуайта Шелмана).

Только в мозгах мусорни могла зародиться такая глупая хренотень ... и хотя мы понимали, что все это – полнейшая ерунда, нам, с другой стороны, было ясно, что извращенное мышление обитателей Эспена вполне могло привести к не шибко логичному, безумному и жестокому выводу: «Их надо убрать». В конце концов, казалось разумным предположить, что если оказался кто-то настолько глуп, чтобы распространять все эти идиотские слухи, то он попытается и подтвердить их, и, того гляди, действительно взорвет что-нибудь.

В то время избирательная кампания все еще велась между тремя кандидатами: мной, тогдашним шерифом (от Демократов) и его бывшим заместителем, долго проработавшим на этом посту и успевшим вовремя подать в отставку, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на пост шерифа на внутривыборных выборах Республиканской Партии, победить в них и бросить вызов своему бывшему боссу – Кэрролу Вайтмайру, местечковому глуповатому тугодуму-копу, у которого кончился первый срок на посту шерифа. За этот срок его презирали и ненавидели все те несчастные, что имели с ним дело: Городская Коллегия Адвокатов, Окружная Прокуратура, его собственный заместитель и все его помощники, а также все полицейские города Эспена.

В начале избирательной кампании Вайтмайра от него отказались люди, которые знали его лучше всех: окружной комиссар, бывший мэр, директор городской администрации, бывший окружной прокурор и бывшие подчиненные. В первые две недели конфликта он затронул БРК и ФБР, чтобы они выкопали хотя бы одну мою судимость... Когда эта затея провалилась – у меня же нет судимостей, – этот злобный подонок задействовал тайных агентов

ФБР, которые должны были спровоцировать меня и моих соратников на совершение разных глупостей, которые скомпрометировали бы меня перед выборами.

Затем он нанял какого-то мошенника, который два года работал на спецслужбы, липового байкера-внезаконника из Денвера – Джима Бромли. Он ввалился в город на безмазовом «чоппере» и сразу начал угрожать взорвать мой дом, если я незамедлительно не откажусь от участия в выборах... потом извинился за угрозы, а когда и из этого ничего не вышло – попытался наняться к нам в качестве моего охранника... позже стал распространять слухи о том, что мои сотрудники связаны с Кэти Пауэрс и бандой «Везерменов» и собираются взорвать все мосты города... потом попытался продать нам автоматическое оружие... потом предложил нам измудохать любого, кого мы захотим... потом сам погорел на том, что городская полиция совершенно случайно нашла в его машине, стоявшей в зоне запрета на парковку, незарегистрированный и запрещенный обрез 20-го калибра.

Шериф впал в панику и сам «спалил» Бромли, проинструктивровав городскую полицию вернуть байкеру его нелегальный обрез, так как он является «агентом ФБР». Сказано – сделано, обрез возвратили. Но Бромли не уехал из города, а пришел в нашу штабквартиру, не подозревая, что один сочувствующий полицейский уже успел рассказать нам о Бромли все. Бромли завис у нас и начал предлагать свои услуги: работать оператором мимеографа или еще как-нибудь пособлять. Тем временем мы уже предложили помощнику окружного прокурора арестовать мерзавца по обвинению в организации покушения на кандидата и ношении запрещенного оружия, не говоря уже об угрозах применить силу к невинным людям. Но помощник окружного прокурора отказывался предпринимать какие-либо действия, утверждая, что ему неизвестен ни сам Бромли, ни его мотивы, пока вдруг шериф неожиданно не признал, что Бромли действительно работает на него.

Между тем Бромли в очередной раз лишился своего обреза – на этот раз его отобрали полицейский, который приехал в мотель «Эпплджек-Инн» специально, чтобы второй раз за последние 36 часов конфисковать ружье. Это произошло после того, как портье, которого мы попросили сделать фотографию Бромли, перезвонил нам и рассказал, что уборщица нашла в его комнате «ружье зловещего вида»... Но и в этом случае окружная прокуратура отказывалась делать хоть что-то, даже просто отобрасть обрез. Нам пришлось просить о помощи нашего знакомого полицейского – Рика Крабтри, недоучившегося студента английской филологии Колумбийского Университета. Даже после того, как Крабтри конфисковал оружие, окружная прокуратура продолжала выражать свое недовольство по поводу наших требований арестовать Бромли. «Он возвратился в мотель «Эпплджек» в сопровождении девушки, – сообщили нам из прокуратуры, – и мы не хотим мешать ему до утра».

Собравшаяся команда левацких байкеров, Черных Поясов, Белых Пантер³ и избранных местных громил, которая уже давно, с самого его появления, призывала открыть сезон охоты на Бромли, не могла снести такого поведения прокуратуры. Они хотели опрыскать Бромли «Мейсом» и при помощи бейсбольных бит сделать из него вкусненькую отбивную котлету... и им было совершенно по барабану, состоял он агентом ФБР или нет. Я все еще разговаривал по телефону с помощником окружного прокурора, когда заметил, что комната опустела. «Мы едем в «Эпплджек», – прокричал мне кто-то из-за двери. – Можешь сказать этой безмазовой свинье из окружной прокуратуры, что мы решили взять инициативу в свои руки... через полчаса мы передадим их ссаного стукача в тюрьму, а чтобы они поняли, кто это, передай им, что он будет упакован в пластиковый мешок».

Я передал это в окружную прокуратуру... через 15 минут Бромли утек по шоссе на арендованной машине. Он так быстро смылся, что мы даже не успели сделать хороший снимок, поэтому на следующее утро мы обратились в «Фотоагентство Белых Пантер»

³ Белые Пантеры – крайнее левое альтернативное движение в США, созданное по образцу «Черных Пантер».

в Денвере, и они поручили молодому, невинно выглядящему Черному Поясу поехать, вооружившись фотокамерой, к дому Бромли в одном из денверских пригородов. Пол Дэвидсон постучал в дверь сексота и сказал, что он восхищен припаркованным во дворе расчудесным мотоциклом и хотел бы сфотографировать его – вместе с гордым владельцем. Бдительный Бромли с большим удовольствием сел на мотоцикл и с гордостью смотрел, как из камеры вылетает птичка, а на следующий день «Aspen Times» опубликовала фото Бромли вместе с подробным описанием его короткой, но весьма активной «поддержки» движения Власть Фриков. Мы послали Бромли эту вырезку из газеты с его фото... и он почти сразу же написал мне ответ с угрозами и фотографией, которую он посчитал намного лучшей, чем та, которую наш «смешной маленький фотограф» сделал обманным путем. Даже сотрудник БРК очень удивился, увидев свидетельство полного безумия этого опытного стукача. «В это невозможно поверить, – повторял он все время. – Неужели он действительно поставил свою подпись на письме, неужели он действительно расписался на фотографии! Как можно было взять на работу такого человека?»

Действительно, как?

* * *

Эта история началась в 1968-м, когда в издательстве «Random House» мне выдали \$5000 и мой редактор сказал: «Иди-ка ты да напиши про гибель Американской Мечты». Я согласился без лишних раздумий – деньги были очень нужны. Ведь помимо пяти штук аванса, речь шла о \$7500 «дополнительных расходов», правда, о гонораре речь уже не шла, но я не сильно расстроился. Не говоря уже о том, что «Random House» оплачивал таким образом в той или иной степени мое обучение. Мне предстояло отправиться туда, не знаю куда, и написать то, не знаю что, – лишь бы это имело отношение к «Смерти Американской Мечты».

Задача казалась ерундовой, и долгое время я пребывал в этом счастливом заблуждении. Казалось, мне выдали кредитку, все покупки по которой надлежало оплатить, но не сейчас. Помню, тогда я еще подумал, что Джим Сильберман, редактор «Random House», не просто сумасшедший человек, но еще и полностью при этом безответственный. Иначе с чего бы он сделал мне такое предложение?

Я съездил тогда в несколько мест, сам уже не помню зачем, и вот в августе 1968 года я отправился в Чикаго освещать работу Съезда Демократической Партии с пачкой свежотпечатанных голубеньких удостоверений для прессы и дополнительным бейджиком от своего издательства.

На самом деле меня никто не отправлял на съезд, я даже не стал брать аккредитацию от какого-нибудь журнала; мне просто хотелось *оказаться там* и оценить обстановку. Город настолько кишел журналистами, что я почувствовал себя туристом. Не говоря уж о том, что работающим там официально писателям и репортерам не достались более внушительные командировочные, чем они явно озадачивались при встрече со мной; хотя, если бы попросили, я написал бы эту историю и забесплатно.

Даже теперь, спустя все эти годы, мне становится не по себе, когда я вспоминаю про Чикаго. Эта неделя на Съезде существенно изменила мои представления о том, что происходит в этой стране, и определила мое место в ней. В понедельник я пришел в состояние Паралитического Шока, во вторник меня обуял Страх, потом Ярость и, наконец, – Истерия, длившаяся затем минимум месяц. Каждый раз, пытаюсь рассказать друзьям, что же все-таки произошло в Чикаго, я начинал рыдать, и только спустя годы я понял причину.

Меня не били, не тащили в тюрьму. Все обстояло намного хуже. Потребуется настоящий специалист – или несколько специалистов, – чтобы избить человека и не привести его

при этом в состояние шока, в котором весь эффект от избиения пропадает... затем оказаться в тюрьме вместе с закадычными друзьями – это скорее экзотичное развлечение, чем травматическая ситуация; в самом деле, это совершенно беспонтово – жить в шестидесятые годы и ни разу не оказаться за решеткой.

И все же тогда в Чикаго для меня навсегда закончились шестидесятые. Помню, как я добрал до своей комнаты в «Блэкстоуне», стоявшем через дорогу от «Хилтона», сел на кровать, скрестив ноги, и просидел так несколько часов. Меня била дрожь, ни о каких заметках я и думать не мог – только смотреть в экран телевизора расфокусированным взглядом и тихо офигевать от того, что происходит вокруг. В телевизоре творилось примерно то же самое – я видел себя самого, в ужасе убегающего от копов по Мичиган Драйв, всего в двух шагах впереди от размахивающей дубинкой свиньи, каждую секунду ждущего пули в легкое, которая поразит меня прежде, чем я даже услышу звук выстрела.

Я стоял на углу Мичигана и Бальбоа вечером в ту среду, когда копы атаковали. Помню, я тогда еще думал: «Нет. Это невозможно». Вжавшись в стену отеля, я достал из моей излюбленной голубой L.L. Bean сумки мотоциклетный шлем и желтые горнолыжные очки, полагая, что все обойдется «Мейсом», в крайнем случае – газом. Однако именно в этот раз копы не использовали ни того ни другого.

В этот вечер они пустили в ход дубинки, и разверзся натуральный ад, не имеющий аналогов в этой сучьей истории. Я стоял у стены, пытаюсь нацепить шлем, а люди неслись мимо, как зверье во время лесного пожара. Люди или кричали, или истекали кровью, копы хватили их на ходу и запикивали в свои машины. Я никогда не попадал в землетрясение, но, сдается, атмосфера там примерно та же. Тотальная паника и потерянности, и притом никакого выхода. Первая волна копов ворвалась на Бальбоа, построившись клином, сметая всех на своем пути, как огонь в муравейнике. Бежать было бесполезно – со всех сторон появлялись все новые и новые копы. Вторая волна ломанулась со стороны Грант-Парка, подобно огромной перемалывающей машине, ошестинившейся длинными черными дубинками, крушившими истерически кричавших людей, отчаянно пытавшихся выбраться из этого переплета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.